

*Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?*

В. А. Жуковский

♦ История как матерая профессиональная содержанка: под кем почивает, тому и осанну воспевает своим подружкам — коллегам в *spa*-салонах, фитнесах разных, в ресторане на девишнике удачной товарки, что окрутила-таки своего толстосума, убедив придурка во всем, что не касается долларов и евро, что-де он у нее первый, а девственной плевы у нее с рождения не имелось. Бывают, дескать, такие *особенные* женщины. Слово *особенные* насторожило было папика, ибо припомнил, что в нынешнем словоречии особенными, политкорректности и толерантности ради, публично и изустно именуют клинических сумасшедших, половых извращенцев и вообще всех персонажей человеческой комедии с какими-либо недостатками... а может уже и достоинствами, коль скоро таковые заполонили телеэкраны. Но удачливая кандидатка в супруги инвалютного миллионера свела все к шутке, умело подольстив своему суверену, что и он по своей торгово-воровской части особенный везунчик: не счесть, сколько раз под следствием состоял, но каждое не то что конфузом и узилищем завершилось, а извинениями судебных и прокурорских чинов...

Так в присущей ему ассоциативной манере умственно рассуждал известный в университете и вообще в Тулуповске большой оригинал и заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов, идучи поздним уже утром на *службу*. Числился он за биологическим факультетом, а почему именно на службу, не просто на работу шел? Он охотно при случае пояснял интересующимся: «Со времен первых университетов и театров на Руси только в отношении профессоров и артистов — на фоне всей остальной партикулярной, то есть невоенной и нечиновной, среды — употребляется определение «служит», а не «работает».

---

* Упаси бог подумать, что эта повесть — сатира в конкретный адрес! Только сугубая констатация того явления, что в наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны... даже самим себе. Вообще-то к 85-летию Союза писателей.

Рассуждал же Игорь Васильевич, к тому же главный редактор созданного им начного журнала «Феномены разума. XXI век», на историческую тему, шествуя теплым еще сентябрьским утром по тротуару главной улицы губернского города, по той обыденной причине, что, вынося вчерашним вечером мусорное ведро (его домашняя служба), узрел возле их дворовой помойки стопку школьных учебников и вообще книг для юношеского просвещения. Надо полагать, некий недоросль одолел-таки курс новомодной одиннадцатилетки и, не имея более младших возрастом братьев и сестер, удалил из квартиры тягостные материальные напоминания о годах мучений и скорбей о напрасно потраченном времени, оторванном от завлекательного общения с компьютером. Компом — по их словоизъяснению.

Игорь же Васильевич, как человек разносторонний по интересам, давно порывался ознакомиться с каким-либо историческим руководством, ныне издаваемом для средних учебных заведений. И — удача! Поверх неряшливых видом книжек в бумажно-картонных переплетах как раз, словно ожидая нового владельца, как дождливым или морозным днем дворовый кот, плача от голода, безнадежно ожидает добрую двуногую душу, что возьмет его на квартирный постой с гарантированной пайкой еды, лежал учебник отечественной истории для школьников второй ступени.

Отужинав чем бог послал на сиротское профессорское жалованье, Игорь Васильевич, предварительно, как истовый аккуратист, протерев учебник тряпкой, сбрызнутой дезинфицирующим простонародным одеколоном «Дипломат» — с лощеным молодым армянином на флаконочной наклейке, — прилег на диван... и уже до самого «отбоя» на сон в одиннадцать часов не выпускал книгу из рук. Даже кот, здесь уже речь идет о личном домашнем, забеспокоился: дескать, не захворал ли хозяин? Покурить всего три раза в отхожее место сходил, все с той же книжкой, на кухню с дежурными на вечерний аппетит бутербродами никакого внимания, самое настораживающее — часто смеется ехидно, а чаще — баритонным хохотом. Еще кот, давно квартирующий здесь на правах полной автономии личности и свободы убеждений (*liberte, egalite, fraternite*), а потому досконально знающий внутренние порядки, приметил: пользуясь странным болезненным состоянием хозяина, хозяйке попустительствует, то есть смотрит она по телевизору ненавистную для первого передачу, в которой ражие молодые и косящие под таковых бабы вцепляются друг другу в крашенные волосы, дерутся-бьются за девяностолетнего актера с богатым киношным прошлым и нынешним банковским счетом. Экс-же-актер отстраненно смотрит на побоище немигающим старческим взором и тихо повторяет: «Раз нет интимной близости, то нет и брака».

♦ ...Как раз перед входом в свой университетский корпус Игорь Васильевич завершил свое умствование по части истории-проститутки. Не самой по себе, конечно, но в блудодействии сочинителей руководств по оной.

Не успел он, войдя в свой кабинетик, заварить чай и продолжить начатое вчера успешное доказательство — был он биофизиком с хорошим знанием математики — теоремы об экспоненциальном спадении качества самоосознания своего мышления у компьютерно-интернетовских «сидельцев», как, извинившись, что без предварительного звонка («Проходил мимо твоего корпуса и зашел наудачу»), Скородумова навестил давний знакомый с вычислительного факультета, матерый доцент Привалов. А знался он с добродушнейшим Григорием Анатольевичем еще с тех пор, когда Игорь Васильевич, защитив свою первую докторскую — по техническим наукам — диссертацию, покинул зашатавшееся в начальные «лихие девяностые» Конструкторское бюро «Меткость», ранее флагман отечественного оборонпрома, и устроился в университет на этот самый вычислительный факультет.

— Чайку за компанию?

— Очень даже не откажусь. И под чаек малую фляжку вроде как неподдельного коньячку захватил.

— О-о! Значит с серьезной темой, как говорят современные деловые люди, пришел...

— Не деловые так говорят, а бандюганы, Васильич. Я же пока с предложением к твоей милости прибыл.

...Под дальнейшее чаепитие и «легкий звон бокалов» — в нарушение университетского устава и вообще всего директивного уклада нынешней жизни — и «тема» из прозрачности намека обрела реальную суть:

— Понимаешь, Васильич, у нас на кафедре образовался аспирант...

— Тю-тю-тю, Анатольевич, ход твоей мысли уже уловил: сбегрить молодца под мое научное руководство, да? Но у меня уже имеется джентльменский набор: десяток докторов защищенных и двадцать кандидатов. Причем, по пяти отраслям наук: от технических до медицинских; так что я и здесь оригинал большой — в части отраслей-то. Под второй бутылек в нашей славной рюмочной «Наливай-ка!» мне уже со смехом намекают насчет книги Гиннеса; говорят, по «инту» справлялись: вроде как с тремя-четырьмя отраслями фигурируют граждане и господа «вченные», но с пятью не встречаются... А раз такой набор имеется — для всяких отчетностей, премий и грантов, — то и мне доука с аспирантами, тем более нынешними охломонами и бездельниками, более не нужна. Других дел по горло: две серии монографий сочиняю, журнал опять же...

— Ты, Васильич,хвати-ка рюмаху и дослушай. Дело говорю.

— Парень-то как раз неординарный попался, как ты любишь цитировать кого-то умного: «С лица не общим выражением». Опять же кафедра по защите информации, куда меня сейчас по приказу о расформировании прежней, нашей еще с тобою, что конструированием ЭВМ занималась — не нужны уже в нашей стране умеющие проектировать вычислительную технику! — определили, совсем новая, этого самого «научного лица» не имеет, профессоров еще не настругали, так что даже формального руководителя по части аспирантуры не имеется. Но главное в другом. Я хотя и старинного закала *доцент с портфелем*, но журналы в университетской библиотеке по вьезшейся привычке просматриваю, тем более номера твоих «Феноменов разума». И нюх меня на тематику еще никогда не подводил: ведь при твоём отвращении к интернету, даже в наукообразной его части, да еще тратить уйму времени на программирование, то есть самую черную и тупую работу... словом, разве не нужен тебе способный и трудолюбивый — не чета всем остальным нынешним! — парень, что будет за свой интерес работать на тебя, всю чернуху и монотонность на себя возьмет? А ты поставишь ему целью и задачами диссера доказательство или опытную проверку своих высоколобых идей... Да еще три года будешь от универа доплату за руководство получать; худо-бедно, на «Наливайку» будет хватать!

— Тпр-ру, охолонись, Григорий свет Анатольевич, сам стопку слабоподдельного в организм введи. Не скрываю: люди работающие мне нужны; таких и ранее подбирал, что составили мой «джентльменский набор». Но сейчас ведь таких упертых нет! И какой интерес вашему кафедральному аспиранту так корячиться — ведь я его на полном серьезе работать заставлю? Почему как не все сейчас: чуток наукообразить дипломную работу и — вперед к защите! Кадры даже с липовыми степенями нынче универу позарез нужны ведь. Какой-то совковый у вас аспирант...

— Давай по последней и суть раскрою. Никакой Володька не совковый, даже очень современный, то есть о будущем думает и все ходы, как шахматист, просчитывает. Родственник у него по матери в Москве если не первое-второе место, но где-то в руководящей пятерке кресло занимает в некоторой конторе — я даже не интересо-

вался в какой, меньше знаешь, крепче спишь,— занимающейся этой самой информационной защитой, в том числе шифровальным делом. Он-то, Володька, уже сейчас там на полставки во вспомогательной службе работает вахтовым методом, а родственник-протезист настропалил его: дескать, защитишь диссертацию на близкую к нашему профилю тему, так дам тебе стартовую должность замначальника отдела плюс служебную однушку в пределах часа езды от центра. Так как...

— Все понял. И заинтересовался. Подумаю всерьез и через тройку дней ответ дам. Скорее всего положительный.

— Уф-ф, Васильич, камень с души снял!

— Твой-то какой интерес?

— Чисто служебный: пока кафедра своих профессоров не понаделала, меня определили в ответственные за подготовку молодых кадров. И тебе всегда рад помочь по-дружески...

♦ К окончанию трудовня, лихо завершив доказательство, с использованием сложных математических соотношений, включая энтропию Реньи и формулу Фробениуса — Перрона, теоремы о резком поглупении нынешних *недолайкиных* — интернетчиков, Игорь Васильевич засобирился домой — прямо к свеже сваренному супругой борщу и пока еще доступной для профессорского оклада содержания жареной картошке с куриной грудкой. Хотя и не немец, но чистопородный русак, Игорь Васильевич был аккуратистом и не приступал к новому делу-докуке, не завершив предыдущего. То есть все прикидки и размышления по части чем занять образовавшегося аспиранта Володю он отложил, сразу после разговора с доцентом Приваловым, на завтрашний день. Но — человек полагает, а бог располагает.

Путь домой лежал между корпусами университета — студгородок с советских времен вольно раскинулся обочь главного проспекта Тулуповска почитай на три квартала, — а посредине этого пути расположилась рюмочная «Наливайка!». Правда, не совсем удачно расположилась: как-то само собой в последние годы правило не проносить стопку мимо рта вышло из исторической русской и советской обыденности, особенно в университетской среде. Студиозусов отвлекли от этого святого дела круглосуточное оглушение интернетом и умеренная клубная спайсовая наркота. Молодые и среднестаршие преподы по принципу тусовки (у Петьки есть, а я чем хуже?) наскребли денег на автомобили — при нынешних, все ужесточающих строгостях по гаишной части еще сто раз подумаешь — опрокинуть пару-тройку стопок, если завтра за руль садиться? Матерые же, еще с советских либеральных времен, профессора и доценты опасались доносов и уличений даже в умеренном винопитии: боялись увольнения, что для них, более ничего в жизни, окромя талдычанья лекций, не умеющих делать, было смерти подобно. Вот она, глобализация с Запада: не надо и сухой закон объявлять!

...В планах Игоря Васильевича, тем более, что воспоминание о позднеутреннем дармовом коньячке испарилось, проходившего мимо гостеприимной «Наливайки», вовсе не мыслилось заскочить в рюмочную, но...

— Игорь Васильевич! Рад вас видеть, — шутейно раскинув руки для дружеского объятия, навстречу ему и как раз на траверзе «наливайкиной» двери шел Андрей Матвеевич Бурцев. Он же главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия», писатель-прозаик, — сколько же мы не виделись, дорогой профессор?

— А год с лишним после того, как вы посетили наши с Николаем Андреевичем «каминные четверги» в пригородном доме моего свояка, тестя брательника Виктора, Прокофьича. Еще интересно вы рассказывали о тулуповских писателях...

— Как же, как в лицах помню ту замечательную беседу у камина: Николай Андреевич, старый морской волк Прокофьич, его хлебосольная супруга Тихоновна и, разумеется, философский кот Мичман! Эх, хорошо тогда посидели-поговорили...

И как-то не сговариваясь, на автомате-автопилоте вошли они в дверь «Наливайки».

...На бывшей святой, потом советской благодушной, а ныне торгово-спекулятивной частнособственнической Руси самое разлюбозное для человека занятие — встретив давно не виданного знакомого, вволю с ним поговорить под бутылочку *этого самого*, ныне властью и официальным «общественным мнением» порицаемого. Уже профессорская супруга сняла со слабого разогреченного огня плиты свежесваренный борщ, а на картошку с обидевшейся и скукожившейся куриной грудкой и вовсе рукой махнула, а наши некогда случайные знакомцы, перейдя на дружеское «ты», все говорили и говорили в полупустой «Наливайке». Клиент по средам шел неторопко как будто вспоминал среду советскую: отрезвляющий «партийный день»; четверг же был «рыбным», даже в простонародных распивочных на закуску выдавали запеченный в тесте хек по руль-сорок килограмм (это то, что сейчас в телерекламе пышно именуют импортным словом «наггетсы»...).

Для завязки обсудив очередные инициативы партии и правительства об увеличении возраста доступа к алкоголю, табаку и пенсиям, а также заметив о всенародной, почти что холерической, любви народа к футболу, любимой игре Старика Хоттабыча, перешли к более серьезной теме, начатой еще полтора года тому назад у камина Прокофьяча: о потере современной художественной литературой читателя, полностью ударившегося либо в мелкое частнособственничество, а в массе своей — в сугубо биологическое выживание со все дорожающей «потребительской корзиной»... наполненной генномодифицированными овощами, пальмовым маслом и напичканной антибиотиками курятиной. Самое существенное, что по закону общесистемной обратной связи читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих. Исчезли уже ко второй каплятилетке нового века и тысячелетия профессиональные писатели, а еще сохранившиеся любители — как стенгазетчики советской поры — все плоше и плоше сочиняют; в прозе — одни неумелые зарисовки, в поэзии — частушка или «про розы-морозы...».

— На носу, достопочтенный Игорь Васильевич, хотя и не круглый, но все же юбилей нашей областной писательской организации. Вот я и сочинил, естественно, для своего журнала, никто в городе и области не напечатает, нелицеприятную историю этой некогда крепкой, почти что писательски добротной, организации...

— Ну и славно, драгоценнейший и лироносный (уже по паре стопок приняли, добродушествовали) Андрей Матвеевич! Тиснешь в своей «Срединной России», чего здесь стесняться правду матку резать! Я в своем журнале, хотя бы и научном, для пользы дела и не такое пишу.

— Все то так, Игорь Васильевич, как говорили римляне, *bonorum sibi oppositorum fac melius*, то есть делай лучшее из предстоящих тебе благ, но сомнения одолевают: писатели суть народ обидчивый, соринку в чужом глазу за версту различат, а в свой адрес даже на похвалу морщатся, дескать, не «известный», а «известнейший»! Боюсь сонм врагов себе этой публикацией нажать... хотя с ними не особо общаюсь. Самостоятельный я человек. Тем более, что по отдельности письменники наши люди неплохие, душевные даже... порой.

— Ну-у, волков бояться — в лес не ходить. И мы алаверды по латыни: *fac bonum et omitte malum* — делай добро, избегая зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно. Как у дедушки Крылова, особенно у Салтыкова-Щедрина...

— Во-во, Игорь Васильевич, метко в цель навострил! Я как раз планирую первый номер журнала в следующем году двухсотпятидесятилетию Ивана Андреевича посвятить. А Михаил Евграфович и вовсе почти что наш тулуповский земляк! Сам знаешь, в низу проспекта что ни солидный дом дореволюционной постройки, так по

табличке памятной, а то и по две, в честь наших великих и выдающихся писателей! А на здании коммунально-строительного техникума, что рядом с Пушкинским сквером с его же бюстом, мраморная плита с указанием, что-де в таких-то годах Салтыков-Щедрин возглавлял в этом доме казенную палату, областное казначейство по нынешнему значит. А такая должность соответствовала статскому генералу!

Кстати, Игорь Васильевич, свой знаменитый «Город Глупов», как утверждают литературоведы, Михаил Евграфович «списал» именно с Тулуповска; есть нам чем гордиться... И нигде он долго не задерживался со своим острым взглядом и еще более острым языком. Только обустроится в каком городе в генеральском чине, а его пр раз! И переводят в другой. Поскольку же собственно упущений по службе за ним не наблюдалось, то по русскому чиновному обычаю переводят с повышением в чине. Так и до вице-губернатора сначала в Рязани, потом в Твери! Самое интересное, когда в советское время к юбилею решили поставить ему памятник, то обкомы всех городов, где Салтыков служил, руками и ногами отрещивались от такой символической чести! Чуть ли до сакрального «положить партбилет на стол» не доходило... хотя это уже перебор в слухах.

Матерый профессор, лауреат и орденосец обоих режимов — предыдущего и нынешнего, — поучает самого способного из нынешних своих аспирантов:

— Ты, Егор, парень умный и старательный. Диссертация у тебя идет хорошо. Несомненно, со временем из тебя получится достойный ученый-экономист. А экономика — это двигатель прогресса в наше время самых смелых реформ и гигантских национальных проектов...

— Василий Матвеевич, я что-нибудь не так делаю?

— В общем-то есть один нюанс. Как бы это... э-э, сейчас у нас патриотизм в фаворе, а ты все практические примеры для своих теорий прямо как по американскому учебнику «Макроэкономикс»: производство «кока-колы», лизинг оборудования для ее же изготовления, транспортная логистика для «пепси-колы»...

— Так ведь на самом деле у нас эти фирмы на рынке прохладительных напитков главенствуют?

— Ну, это всем понятно. Но нельзя ли для благозвучности на защите диссертации, оставив все цифры и выкладки, оперировать, например, напитком «Колокольчик», а?

Заулыбался умный Егор, а на защиту вышел с маркетингом кваса.

...Увы, уважаемый профессор, нет у меня, убогого, таланта по части характерных зверушек импровизировать. Увы, не получится — реалист я закоренелый, поздно переучиваться. Хотя идея твоя архизаманчива: «История писарей Тулуповского леса». Каково звучит? Наверде «Медведя на воеводстве» Михаила Евграфовича... Не-е, не осилю.

— Стоп! Изволь идти к стойке за добавочной четвертинкой коньяка — мысль у меня мелькнула; озарило, словом, как сейчас на новорусском языке говорят: пазлы сошлись! И мой интерес с твоим объединился.

♦ В пятницу пополудни к профессору Скородумову пришел востребованный аспирант-шифровальщик Володька. В телефонном разговоре еще поутру с аспирантом в гости набивался и сосватавший его доцент Привалов. «С благодарностью от кафедры», — намекнул Григорий Анатольевич. Но Игорь Васильевич ответил тому обоснованным отказом: «Перенесем благодарность на морковкины заговенья, то есть на потом. Сегодня у нас на факультете день бдительности: две девицы востроносые из охраны труда с утра шныряют по этажам, в кабинеты и аудитории то и дело заглядывают, мужиков со всякими глупыми вопросами в коридорах останавливают, чуть не целоваться лезут — принохиваются. Как советские парторги по понедельникам со своей паствой... Ищут курящих в корпусе и которые с похмелья... Сам понимаешь, Анатольич, как говорится: «Не до того, Федя, не до того».

С понятливым, что профессор по одному внешнему виду давно научился определять, аспирантом он долго лясы не точил.

— Дескать, молодой человек империи новороссийской, я и так три дня не разгибаясь исписывал для тебе — компьютером я не пользуюсь — под полусотню листов бумаги. Поскольку ваше поколение недолайкиных написанный от руки текст не воспринимает, то, будь добр, покорпи и переведи его для себя в печатный. Тема — вот она, вначале, сверху обозначена — новое слово в части защиты информации и шифровального дела, что и требуется для твоей блестящей карьеры. Далее: развернутый план на все твои аспирантские года упражнений: со схемами, алгоритмами для программирования, базовыми логическими и математическими соотношениями, списком литературы по различным разделам информатики и тех же логики с математикой, что ты обязан знать от корки до корки. Мои книги из списка возьмешь в университетской библиотеке или в *своем* интернете найдешь: они на многих сайтах помещены. Спрашивать буду строго, но отечески, с пониманием — человек сам себе светлое, сейчас в долларах и еврах, будущее кует. До конца текущего года, а это почти четыре месяца, пройдешь, как у меня с вашим братом принято, курс молодого бойца. Согласно плану диссертации, у тебя значится небольшой параграф в заключении вводной главы: практический пример иносказательного перевода обычного разговорного, например, литературного, текста в более архаичную форму — так называемое спектральное шифрование; термин мой, в *инете своем* не ищи. Я все расписал, в том числе постановку задачи на составление программы, вот на этих, отдельно прошитых степлером — господи, во что русский язык класс-гегемон превратил! — листах. Для конкретики примера возьмешь сказки Салтыкова-Щедрина; надеюсь, и сейчас в школе их упоминают: ну-у про премудрого пискаря, медведей-воевод и другие. По поисковику найдешь в *своем* интернете их оцифровку и по программе, которую составишь вот по этой постановке задачи, составишь частотный словарь языка Михаила Евграфовича в части его сказок. Исходный текст для иносказательного перевода здесь, — усмехнувшийся Игорь Васильевич протянул аспиранту флешку писателя Бурцева с текстом истории Тулуповской писательской организации. — А на этом листе я перечислил персонажей первичного текста в сопоставлении с лесным и домашним зверем. Все прочие пояснения я тебе написал. Сейчас иди в отдел аспирантуры, оформи-

ляй мое руководство, утверждай план диссера и вообще скоренько — из сердца вон, с глаз долой — всю бюрократию завершай и — к делу!

Аспирант Володька чуть помялся и начал благодарить...

— Что? Отец, говоришь, при умеренных капиталах? Это замечательно, но я человек со странностями, как всему университету известно, с аспирантов денег не беру. Мне достаточно официальной оплаты за руководство, а главное, нужны твои результаты: я их ведь под свою новую теорию применю. Конечно, со ссылкой на Владимира-свет-такого-то, оказавшего неоценимую помощь и так далее. А главное, сейчас времена архистрогие по мелочным денежным делам настали, как говорится, алтын ного вора вешают, а полтинного чествуют!

Обескураженный будущий шифровальщик осмелел...

— Да? Дед твой, говоришь, для домашнего пользования самогон не хуже фирменной виски гонит? И на клюкве настаивает? Это интересно... в целях научной дегаустации, разумеется. И под всякие статьи не подпадает. Что ж, заноси перед праздниками — всеми советскими, включая Сталинскую конституцию, и, как у Райкина, Парижскую коммуны и пасху. О датах справишься в инте. Ладно, свободен. Сюда часто не шастай, не отвлекай меня. Используй изобретение америкоса Белла, телефон то бишь. Потом, я все архиподробно тебе расписал, особенно до конца этого года. Привет деду-естествоиспытателю!

...Возвращая в ностальгической «Наливайке» — точно в оговоренный срок, за день до бой курантов, президента и оливье — бытописателю нравов Бурцеву его флешку, дополненную «переводом на салтыково-щедринский», Игорь Васильевич заметил:

— А знаешь, Андрей Матвеевич, что меня в тогдашней нашей сентябрьской беседе за этим же столиком натолкнуло на мысль, оказавшуюся столь полезной для тебя, меня и умного аспиранта Володьки, действительно, отменный клюквенный самогон деда которого мы сейчас из-под полы пьем?

— Теряюсь в догадках, дражайший Игорь Васильевич. А самогон отменнейший! Всякие там «Джонни Уокеры» и «Белые лошади» — помой по сравнению. Словом, умелец из гуц трудового народа. Извиняюсь, по мозгам оный сильно шибает. Так что же подвинуло на архиплезную для всех нас мысль?

— А имя автора «Архипелага ГУЛАГ»а, что невзначай промелькнуло у тебя. Дай, конечно, бог ему успокоиться в ином мире от своего оголтелого антисоветизма, но мне-то вспомнилось, что был он одним из инициаторов развернутой на Западе кампании клеветы на нашего великого Шолохова; мол, Михаил Александрович незаслуженно получил Нобелевскую премию, поскольку «списал» «Тихий Дон» с рукописи расстрелянного в застенках ОГПУ-ВЧК белогвардейского офицера — писателя... Крюкова или Крючкова? Не помню. Александр Исаевич даже толстенную книгу «Бодался теленок с дубом» на эту тему сочинил... Как и «Архипелаг» *сочинил*.

Западняки не русские, нет бы сплунуть и растереть, всю чушь всерьез принимают, вот и поручили Шведской королевской академии провести компьютерный текстологический анализ — сопоставление текстов «Тихого Дона» и всех других произведений нашего великого писателя. Что тамошние, не кормящиеся «от Кремля», академии и сделали. К огорчению западных хулителей и лично Солженицына (но он не успокоился!) Шолохов оказался Шолоховым. Разливай «клюквенную»!

...Номер своего журнала с «Историей писарей Тулуповского леса» Бурцев успел таки издать к некруглому юбилею писательской организации, предпослав ей эпиграфом слова почитаемого им русского философа-космиста Бердяева: *«Мне всегда хотелось, чтобы оголенная правда была наконец обнаружена»*. Вот она, история.

♦ «История, именуемая до напечатания пространных сочинений на указанную кем надо перспективу гг. Карамзиным и Костомаровым «российской гишторией»,

есть наука умственная и полезная для воспитания юношества, но зане своеобычная. Если исторического сочинителя в его кропотливых упражнениях подстегивает, яко ямщик коней разлетевшейся тройки, торопясь домчаться до первого после городской заставы трактира или кабака, алчба правдивости описания, но соотношенная с указаниями цензурного ведомства при Свщ. Синоде, то читателя томов, набранных мелким шрифтом, более всего удерживает в порче зрения при ознакомлении с написанным сожаление о потраченных деньгах — в серебре и даже в крупных ассигнациях.

И не то, что писчебумажное искусство неверно Скрижали Истории в оттискатах типографских литер представляет, но во всяком благоустроенном людском обществе как рассуждает немецкий смутьян и сицилист Карла Маркс, обозначаются внутренние и внешние сущности противопоставлений человеческих устремлений. Исторический сочинитель все правды, согласованной с кем надо, жаждет. Цензор, особенно если он по синодской принадлежности, суть сторонник благочиния и отсутствия в написанных текстах всяческих резких осуждений. Его резонный девиз по древней истории: «Что было, то сбылось и не нам о том судить». По новейшей: «Улита едет, когда-то будет».

Читатель же, держа кукиш в кармане камзола из недурственной фабрикации аглицкого сукна — это где овцы землепашца съели,— все более сокрушается о потраченном серебре и ассигнациях, особенно тех, что с портретами исторических и нынешних царей... Разумеется, его и приблизительная, дозволенная кем надо правда Скрижалей Истории интересует, но огорчает все тот же губительный для глаз мелкий шрифт, чуть ли не петит и нонпарель, хотя и понимает сочинитель исторических трактатов: очень много и многоречиво хочется сказать о Скрижалях, но кто тогда будет покупать в книжных лавках издательств А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, Саблина, братьев Сабашниковых и прочих огромное число исторических томов с крупным, как в синодальном печатании Библии, шрифтом? Словом, все по Марксу — не издателю А. Ф., но Карле: единство борьбы и противоречий, что он подсмотрел в диалектике немца же Гегеля...

Но в современном благоустройстве жизненных стихий, невзирая на Марксово противопоставление желаний и чаяний историка, цензора и читателя, манкировать знанием Скрижалей недопустимо. Не то что кварталный, тем более пристав и — бери куда выше! — исправник уездный за незнание истории распорядятся насчет съезжей и дальнейшего правежу. Нет, конечно, давно не в дикости и самодурстве наша жизненная тропа пролегает, хотя бы и петляя часто, как заяц следы свои от охотника-лукаша замечает. Сейчас благонадежность обывателя рука об руку с начальственной снисходительностью, как шерочка с машерочкой, по прешпекту шествуют к туманной светлой будущности. Соответственно такому регламенту, и знание истории почти что обязательно. На худой конец — рекомендательно. Опять же, повторимся, не от кварталных, приставов и их высокородий исправников. *Arbitrium proprium*, как из латинских грамматик гимназисты, даже без упраздненных ныне воспитательных розог, усваивают: сиречь по собственному усмотрению и выбору.

И образовательные департаменты в целях удаления юношества от неблагонадежных компаний, зачиная от церковно-приходских двухклассных школ и далее по восходящей до университетов, устремляют малосмышленные еще головы к пользе знания истории... или хотя бы прилежание в изучении оной, если не надеются на худую память школяров и студиозусов. Каждый да обретет положенное ему, говоря от Писания.

...И еще одна мода в наше благожелательное и стремящееся к просвещению время объявилась: даже если волею судеб и иных радений на кого чин большой наложен, все одно, будь-стать добр в календарно обозначенный срок, даже если на каникуляциях в заморском роздыхе обретаешься, явись во время оно в свой департамент

и ответе проверочный урок по истории, для надежности и вящей разумительности сноровки к занимаемой должности, совмещенной с наукой географической. Наверное, чтобы в твердом уме держал постоянно: где ты сам-один сейчас творишь малую историю, в каком пространстве: лесистом, промысловом, степном, железнодорожном, или вообще с горюч-камня, светильного фонарного газа, керосиновых промыслов заводчика Нобеля,— себе и отечеству пользу доставляешь? Никак без того нельзя, чтобы даже высшие чины самых первых классов, согласно табели о рангах, не помышляли об истории: откуда есть и пошла родная земля.

Правильно же сочиненная ближняя история, вкуче с целеустремленно перепи-санными набело летописями и глухими преданиями старины глубокой, хотя бы со-чинитель и сам в молодости застал эти времена и видел их воочию, привносит в ра-достную действительность радикальное и повсеместное отрезвление от якобы сло-жившихся издавна в мыслях людей пагубных настроений и побуждений ко всякой необдуманности не то что поступков, но даже мимолетных намеков действовать не по пристойности. Словом, холостого сватом не посылают...

Все тот же настырный немец Карла Маркс с сотоварищем своим Федором Эн-гельсом всю историю человечества по календарным табелям расписали: когда мы от образины-облезьяны вылупились, когда началась добровольческая деятельность по распространению здравых мыслей в обществе... а потом общество это отрезвилось и произошел процесс поголовного освобождения от излишних мыслей, чувствований, а теперь и совести. Еще немчура эта настаивает на разделении труда мысленно взрос-леющего человечества. Продолжая их перспективу, и мы можем безнаказанно и вольнолюбиво рассуждать о разделении оброчных и иных тягот и выделении сооб-ществ людей творящих Историю и описывающих это творчество, то есть появлению в подлунном нашем мире *класса* писателей. В свою очередь, и этот класс постигло дальнейшее разделение на сугубо исторических сочинителей, восторженных поэтов-пиитов (именно в их среде много любителей зеленого змия), суровых прозаических изъяснителей и так далее. Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к од-ной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Ип-покрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиоппе, Клио, Мельпо-мене и Талии.

Писатели ничем не хуже всех остальных земных постояльцев, потому и они с са-мого своего начала резонно заявили о необходимости наличия собственной истории, понятно дело, полагая занести свои имена на ее сверкающие Скрижали. Ничто чело-веческое писателям не чуждо. Поначалу в обществе такая резонность представлялас-тускленькой и малосерьезной. Но на то они и сочинители, умеющие этаким изворот-ливым умом вползать в человеческие души, добрались куда надо во властных верхах и получили там — дескать, уймитесь теперь и больше не приставайте! — благосло-вление: пишите о себе что хотите, только особо не либеральничайте и благочиния хоть для приличия придерживайтесь.

И пошла, поехала писать губерния! От общих, мировых и отдельных царств-государств, писательских историй, спускаясь все ниже и ниже по географической лестнице, от царств к наместничествам и генерал-губернаторствам, далее к просто губерниям и областям казачьих войск на окраинах, потом к уездам, отдельным горо-дам и местечкам, а затем и вовсе к волостям, создавались и до бесконечности дробились истории возникновения, процветания и, увы! — угасания местных Кастальских ключей и окормляющих провинциальных сочинителей муз. *Иносказательно*, чтобы не возвеличить слишком одних и не умалить ненароком дарований других сочините-лей, придадим литерному тиснению краткую историю тулуповских писателей.

♦ «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро скачет»,— сказал опять-таки немец, остряк Бисмарк. Но в написании всяческих историй поспешность непо-

требна. Здесь ближе к истине французы с их *laisser passer, laisser faire*, то есть тише едешь, дальше будешь. Но русские эту присказку переводят еще более вразумительно, навроде как «дурак на дураке сидит и дураком погоняет». Не то чтобы история писарей Тулуповского леса прямо-таки пестрит этими малопочтенными господами... нет, как и в других лесах окрест и до границ леса вообще, до которых во все стороны света тридцать три дня скачи и не доскачешься, все в соотношении со статистическими подсчетами земских управ.

Тако же и мы начнем с некоторой древности, перелистывая омшелые и запыленные своды летописей, что, почитай, с ветхозаветных времен дятлы на древесной коре трудолюбиво записывали своими клювами. С появлением же книгопечатания и первых губернских типографий, разрешенных великими ревнителями грамотности Магницким и адмиралом Шишковым с его обществом бесед любителей русского слова, дятловы клювописания были переведены в литерные наборы и оттиснуты на бумажных листах *инфолио*, затем переплетенных в тисненую кожу, содранную за недоимки с различной лесной сволочи и отданы для сохранения и прочтения интересующимся древней лесной историей в публичную библиотеку, учрежденную на паях просвещенным тулуповским купечеством.

Вот из этих летописных томов мы и почерпнули знание оно о начале писарства в Тулуповском лесу, обитатели которого — разношерстная сволочь, платящие налоги обыватели и нарочито просвещенные звери — исстари гордятся, что их губернский центр, это как пень посреди округлой лесной поляны, даже на два года старше столицы *Нашего леса*! Таковую дозволенную официально уверенность кроты-краеведы питают из обнаруженной в одном из томов свода летописей Тулуповского леса, в которой литерно оттиснутая на нетлеющей веленовой бумаге с водяными знаками фабрики купца Мясоедова дата первого объявления в Истории оной чащобы была решительно перечеркнута, а поверх явно блудливой рукой гимназиста III класса ныне выцветшими железисто-галлусовыми чернилами начертана цифирь на три сотни лет старше... В полном административном восторге управа Тулуповского леса в близкие к нынешним времена, когда вошло в популярность «считаться чинами», и объявила повселебно, даже до немых обитателей вод довела через урядников-головлей, полагать датой первого упоминания их леса на Скрижалях Истории рукописание дотошного, явно из начинающих нигилистов, гимназиста...

Начальное писарство в темные и дремучие времена по тысячелетнему обычаю *Нашего леса* сводилось к доносительству по закону, намного позднее опубликованному ученым англичанином Дарвиным: борьба всех против всех. До изобретения писче бумажного промысла подметные письма рукописались на берестовой коре, благо этих веселых видом дерев в Тулуповском лесу произрастало превеликое множество. Доносы по начальствующей у зверья части начинались всегда с преамбулы: «Ваше степенство, вы отцы наши, мы дети неразумные ваши...» Затем следовал собственно сутяжный навет, а завершалось настоятельной просьбишкой «взыскать с тяглового Барана в его, Волка, пользу недоимку в частном расчете в размере семнадцати рябчиков...»

Надо пояснить, что рябчик являлся единообразной лесной денежной единицей. Причем даже Филин, на что уж неисправимо глупая птица, понимал: расплачиваются в лесу не собственно живыми или придушенными в силках, замороженными на льду в гостинодворских погребах рябчиками, но их нарицательными именами-званиями, отчеканенными на полушках, грошах, копейках, серебряной мелочи и — козыряй куда выше! — вплоть до крестовиков, полуимпералов и ассигнаций «сашенек», «петруш» и «катенек». Но общее число этих *кутил*, как в лесу называют деньги, всегда в точности приведено к одному знаменателю: числу живехоньких и здоровых рябчиков, что, не ведая о своем высоком предопределении, прохлаждаются себе в северных лесах.

Пришел местный композитор Нотострочицкий Аким Стронгинович в департамент культуры областной администрации: может какие заказы имеются, а то совсем обнищал, даже музы, не говоря о земных женищинах, перестали его посещать. Принял его, правда, в коридоре, на ходу, не заходя в кабинет, чиновник по музыкально-хоровому разряду Тертуллианов Акинфий Амосович:

— Есть, дорогой вы наш Аким Стронгинович, заказ на музыкальное оформление к дню города; надобно спешно, в оставшуюся неделю сочинить пяток бравых маршей. Оплата, увы, по расценкам детского музыкального творчества. Сами понимаете, по культурной программе все выделенные средства ушли на перепрофилирование бывшего кинотеатра в досуговый центр.

— Вы что, Акинфий Амосович, издеваетесь? — Я про оплату и сроки.

— А что, других заказчиков у нас в городе вы не найдете, а сроки... Будьте проще. Возьмите забытые советские марши и скоренько переанжируйте их под уже готовые тексточки поэта Демьяна Омшанникова, кстати, вашего соседа по дому. И ничего здесь зазорного нет. Вот, например, некто известный в Гражданскую войну, проживая в Ростове-на-Дону, где власть менялась раз в месяц, всегда про запас имел две аранжировки под схожие тексты: одну для генерала Миллера, а для заменившего его Буденного под новый вариант текста всего-то три доминанты в нотах менял. А многие марши 30—40-х годов очень даже напоминают марши Третьего Рейха. Так-то!

Подумал чистолюбой Нотострочицкий и отказался. Совсем забыли его губернские Музы, а из женищин только судебная приставиша стала приходить — описывать имущество за долги по квартплате и электричеству.

Полтыщи с солидным гаком лет — от указанной безымянным гимназистом даты записи на Скрижалях — писари Тулуповского леса на этих самых скрижалях ничего путного не оставили. Доносы на бересте выщвели, скукожились в присутственных местах и по мере надобности пускались на растопку печей в морозные зимы. Пергамент стоил неимоверных купил, да и новомодная бумага не в один рябчик обходилась... Так вольнолюбивое писарское дело в лесу и завяло, не успев распуститься. Но

по прошествии указанных лет и в тулуповскую чащобу долетели отголоски новых веяний по части грамотности и вообще дозволенного кем надо просвещения. Правила тогда *Нашим лесом* восприбывшая из Неметчинской дубравы царица, воспылавшая приязнью к просвещению. В губернском центре Тулуповского леса учредили типографию с добротным набором тискающих на бумагу литер, начали издавать публицистские куранты «За родную трущобу». К курантам начали подтягиваться и проснувшиеся от вековой спячки писари. Их власти к курантам и типографии подпускали строго в соотнесении с их статскими чинами, предупредительно наущая не допускать в своих сочинительствах вольтерьянства и масонства, занесенных из Галльского леса.

К великому огорчительству, на писарские Скрижали в тот век из Тулуповского леса попал всего лишь один Бобер, что по приказу царицы возводил в болотных окрестностях хоромную берлогу для ее незаконнорожденного дитяти — подальше от царского дворца и всего лесного светского бомонда. Болотный тот Бобер уникамом оказался: многоярусную плотину обочь хоромной берлоги соорудил, на изведенной площади прежде дикого леса парк по аглицкому манеру разбил; слыл аж до самой столицы *Нашего леса* болотный Бобер по агрономической части, но хорошо и грамоте разумел, сочинил в целиковых двух пудовых томах личное свое жизнеописание, которое и в столице получило замечательные референции от самых высоких писарских чинов, что в казинетовых и плисовых вицмундирах с бриллиантовыми анненскими звездами щеголяли. И вовсе привел Бобер в пристойное изумление всех статских и военных генералов, университетских академиков и профессоров своими начинаниями в лечении от всевозможных хворей елестричеством, изготовив подсобные для этого богоугодного деяния елестрические махины. В родному лесу обыватели и всякая чащобная сволочь слухи о том друг дружке сплетками передавали: дескать, Бобер-то наш единой елестрической искрой всю хворобную соплю из носа вышибает!

Но... на писарских и иных Скрижaliaх так один Бобер и укрепился; иных тулуповцев близко к ним не подпустили в тот просветительский век. А все отчего? — Оттого, что, невзирая на объявленное устремительство к благоустройству лесных чащоб и всех буреломных завалов, дороги от тулуповских застав до столицы с избытием типографий и курантов, в числе которых и специальные писарские имелись, содержались в крайней степени неудовлетворительными. Опять же писарям, по их легкомысленному статскому рангу, прогонных рябчиков на проезд тройками с подставой губернским казначейством не полагалось. А как на Скрижaliaх зацепиться, ежели не тискаешь свое сочинительство в толстых столичных курантах? Признаться же в отсутствии наличия способностей и талантов лесная звериная гордыня супротивничала.

Другая же причина та, что исстари тулуповцы, полагая за баловство всякие иные занятия, тем паче изведение дорогой бумаги на туманное сочинительство, все повально и подушно занимались от казны железоделательным мастерством. Вся лесная челядь постукивала от зари до зря молоточками. Вот идет писарь местный в поисках сюжета для своего малохлебного сочинительства и видит такого мастерового енота или какого другого зверя. Спрашивает: «Чего, малопочтенный, творишь?» — «Дело творю». — «Да ну-у?» — «Вот те и ну, котёлки гну! Погну-погну, еще найду. А хочешь сюжету — к целовальнику веди для разговору...» Но нет у нищего писаря ни рябчика за душой. А без сюжета, понятно дело, к сочинительству даже и не приступай!

Скверно и уныло для тулуповских писарей завершился административно возведенный век просвещения.

♦ Следующее столетие началось в сиянии внешних блестящих злодейств и кровопролитиев, попавших на самые высоты Скрижалей Истории: воинственный корсиканский Волк, завладевший Галльским лесом, от природных натуральных, а потому и

своеобычных, злодейств прокормления сильного слабым, в мании величия начал по-пусту терзать все окрестные леса и даже до столицы *Нашего леса* добрался. При всем том косил Волк под либералиста вольтерьянского пошибу, однако в *Нашем лесу* опасался дать волю лесной сволочи и иным обывателям, за что те, крепко забидившись, взяли его в дреколье, топоры и вилы. А команду над ними принял умный и храбрый Барсук, потерявший еще ранее один глаз в сражениях, заманивший Волка в свою нору и выпустивший на него гончих стаю со словами: «Ты сер, а я, приятель, сед. И волчью вашу я натуру знаю. Поэтому обычай у меня такой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!»

Как то заведено в писарской среде, блеск кровопролитиев воодушевляет на сочинение эпических поэм, многомудрых романов и исторических легенд. Вот в такой-то ажитации писарство Тулуповского леса взлетело на горние вершины Скрижалей благодаря проживавшему там Льву — не по табельной должности, каковая за ним вовсе ничтожной записана была, но по величию его писарского умения и данному при рождении таланту. Сам он в сражениях умного и храброго Барсука супротив корсиканского Волка участия не имел, поскольку еще не появился тогда на свет, но, спустя полсотни лет, сочинил в четырех увесистых томах такое величественное жизнеописание тех героических кровопролитиев, что на века вперед и по всему лесному миру сам елико прославился и даже отблеск вершинных Скрижалей наложил на писарство Тулуповского леса. Жил-здоровствовал тот Великий Лев долго, сочинил он под девяносто томов многомудрых житий и наставлений, но из мира ушел не парадно для своей значимости: не то что поругался со своей хозяйкой и многочисленным потомством, что жило на писарские рябчики за его сочинительство, но очень обеспокоился за моральную убогость всех обывателей и — особенно — управителей лесного мира. Тайно покинул родовую свою пещеру, в дороге расхворался и без должного ухода отдал богу душу.

...В наступившем после злодейств и кровопролитиев, учиненных корсиканским Волком, порядке и благоустройстве *Нашего леса* писарство, по преимуществу обходя стороной Тулуповский лес, в невиданных дотоле эмпиреях устремленно возросло в столичных и университетских центрах. Дабы в своих упражнениях восторженные писари не отходили от наступившего благочиния и не подпускали в своих рукописаниях, далее оттиснутых литеррами на бумаге фабрикации купца Мясоедова, излишних надежд, а также вольтерьянства и масонства, особая комиссия под водительством адмирала и образовательного министра Шишкова ввела в регламент писарства, в дополнение к прежнему «вы отцы наши, мы дети неразумные ваши», словесное узаконение: «Самодержавие, православие, народ», — призывая мастеровых гусиного пера, зловредно склоняющихся по своей подлой мыслительной сущности к бедствиям, нищете и угнетенности всей лесной сволочи и прочих обывателей, к аккуратности и выдержанности в излагаемых чувствованиях. Негласно, то есть без статей законоуложений и наставлений всем чинам от урядников и квартальных до уездных исправников и городских полицмейстеров, писарям рекомендовалось в своих рассуждениях о ничтожном положении тяглового зверья постоянно держать в своих головах (мол, един в уме держим, а другую цифирь грифелем на аспидную доску заносим...) вечную и неустаревающую в *Нашем лесу* руководящую присказку: дескать, царь-батюшка дал всему населению леса жалованную грамоту, но злые бояре-чиновники ее перехватили и неведомо где глыбко в землю зарыли... Присказка эта ведет свой род от Гостомысла и братьев Рюриков, и продолжению того рода никто не препятствует. На этот счет в том же описываемом веке благоустройства и регламента один признанный столичный писарь съязвил: «Вот приедет барин, барин нас рассудит!»

Правда, пуцая в обращение и для вящего руководства эту негленную присказку,

власть придержались уточняли: обличение злыдней-чиновников ограничивать сверху, согласно табели о рангах, чином коллежского асессора, то есть статского майора. А выше — тут-ка!

Но здесь ушел в отставку (пора, мол, на пенсию — в сенат!) министр-адмирал Шишков, так что писари во множестве распустились: во множестве — потому что грамотность лесных жителей, особенно в столицах и университетских центрах, следуя общему прогрессированию цивилизации и культуры в мире, усилилась. Появились на смену вольтерьянцам и масонам нигилисты и сицилисты. Особенно из поповских детей, то бишь разночинцев, персон по родовой памяти хватких, мол, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа! И пошло, и поехало — впереди фельдъегерских троек помчались нигилисты и сицилисты!

Не минуло сие Тулуповский лес, где доселе великий Лев в гордом своем одиночестве изрекал на весь мир истины добра и самосовершенствования. Хотя и не первостатейного писарского ряда-табели, но замеченные общественностью *Нашего леса*, объявились, числом два, свои обличители, со склонением скорее к сицилизму, нежели к нигилизму. Поскольку они носили одинаковые прозвища, ибо вышли с разницей в несколько лет из Успенского урочища Тулуповского леса, и оба являлись склонными к сарказму енотами, то их и посейчас полагают родственными братьями. Но не так это вовсе: даже в кумовьях не состояли. Один славу поимел от обличения тулуповских мастеровых, которые все котёлки гнули себе и гнули; другой же по крестьянской части обидное для власти высказывал. Первый крепко дотянулся до третьего яруса писарских Скрижалей, второй еле за четвертый ухватился... Но и то слава Тулуповскому лесу, хотя в водных его займищах не одни раки водились, но и рыба по ихнему регламенту присутствовала.

Ближе к окончанию этого, не очень-то лавроносного — исключая, разумеется, Великого Льва,— для писарей Тулуповского леса века объявился в оном сочинитель не без искры божией, легальный сицилист по общественным своим убеждениям, к тому же пользовавшийся тулуповских обывателей по знахарской, медикусной части. Прожил он долго, до середины века последующего. Также обозначился на ярусах Скрижалей своими описаниями медикусной практикации в Тулуповском лесу, жизни и творений самых великих писарей *Нашего леса*, а еще переводом на принятый в нем изустный и письменный язык сочинений древнейшего писаря-поэта далекого, за тремя морями, Эллинского горнолесья.

...Прошедший век для всех писарей как собственно *Нашего*, так и в частности (и в малой масштабности) Тулуповского лесов ознаменовался не только тем, что писари все о конституционных свободах болтали, но более значительное случилось: впервые с дремучих первобытно-лесных времен в столетии этом писарство получило административно и пачпортно утвержденный статус не любительских упражнений, но сугубой профессии. Хотя бы и без включения в табель о рангах даже в малых чинах «почетных граждан», то есть от коллежского регистратора до десятого класса, а также получения присвоенного оклада содержания в четко обозначенном числе рябчиков. Прокорм им и прогонные до столичных и университетских центров с готовыми для печатания творениями, подъемные для устройства своих берлог, пещер и дупел шли токмо от тисканья в публицистических ведомостях и особенно в толстых писарских курантах и печатания целиковых книг и собраний сочинительств в типографских заведениях Саблина, А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, братьев Сабашниковых — для последующей продажи знающим грамоте обывателям и даже тем из лесной сволочи, что обучились в двухклассных церковно-приходских школах.

Коль скоро писарь пописывает, читатель почитывает, а оный за чепуховину «без идей и направления» рябчики свои в книжную лавку не понесет, то и приобретенные

воскормляющую их профессию писари поперезнали уместенно, хорошо правопосианием по учебнику «Пространной русской грамматики» Николая Ивановича Греча, что с другом своим Фаддеем Венекдитовичем Булгарини («за что кукушка хвалит петуха? — За то, что тот кукушку хвалит...») толстые писарские куранты «Сын отечества» издавал, овладели, гимназии и даже университеты пооканчивали, сочинять приобькли с душевным трепетом к различным звериным чувствованиям, с лавированием (чтобы через цензора проскочить в печатание) между сочувствием обездоленной лесной сволочи и обывателю и обличением — не выше чином коллежского асессора, как было заведено — власть имущих и придержащих. И если утверждали вольнолюбиво, что «в нашей лесной глухомани невинный за виноватого как раз сойдет», то явственность такого неверноподданнического утверждения приглушали рассуждениями о малой пользе «лишних мыслей, совести и чувств».

«Что же попишешь,— горестно рассуждали писари в свободное от сочинительства время в узком кругу,— необходимость есть жестокий учитель!»

...Но в целом поголовный переход писарей в прошедшем веке от шутейного любительства их тезоименитых предшественников к обретению одобряемого общественностью рода полезных занятий, всем на пользу пошел. Писари разохотились творить разумное, доброе, вечное, руководствуясь заученным в гимназические годы латинским девизом *quaere perfectionem quantum potes*, что значит стремиться к совершенству, насколько это тебе по силам... да еще толику таланта имея. И такого в сумме всего им написанного натворили, что весь прошедший век во всемирном растительстве был поименован «веком писарства *Нашего леса*».

И лесному народу, коль скоро число грамотных, ввиду успехов министерства просвещения в открытии народных училищ, постоянно возрастало, почитать книги и куранты все больше по нраву приходилось. Ведь все податное и прокормное тягло не выработаешь, всю «злодейку с зеленой наклейкой» не выхлебаешь в кабаках и на вынос? К тому же у одного норма ведро, а у иного и вовсе шкалик*, с которого уши выше лба не вырастут от прилива к оным разгоряченной крови и мозг в голове не выветрится, но обостряется чувство всеобщей справедливости, которое настоятельно требует молчаливого собеседника: чтобы выговориться не мешал, но всячески поддакивал. А в идеале такой собеседник — с чувством написанная книга или хлесткие подметные статейки в курантах, оттиснутых на желтой бумаге.

...Вот таким своеобразным манером писари и подвигли вкупе с сицилистами и масонами лесной народ к бунтам начала века следующего. Была в этом деле и толика усилий писарей Тулуповского леса, но совсем малая... опять же не считая Великого Льва.

♦ Царь зверей *Нашего леса* и губернские Ока Царевы заблагодушествовали к началу нового века, а разьевшиися на казенном и поборном харче исправники, квартальные и урядники не уследили за деятельностью внутренних, включая писарей, потрясателей основ, подрывателей устоев с их подлыми мыслями, воспоследовавшими от Марковского злопыхательного учения о накоплении и распределении богатств. Но главное — лбом стену не прошибешь — не в их силах и усердии было воспрепятствовать врагу внешнему, супреждь всего коварному Аглицкому безлесью, которое хитро втравило *Наш лес*, аки покорную окрику пастуха овечку невинную, сначала в воинское сражение с Империей сакуровых островов, а затем и вовсе в многолетнее кровопролитие с Неметчинской дубравой.

На тропинке, извиристо ведущей к Скрижальям Истории, установлена на обочине оловянная таблица с содержанием закона о том, что востребовано дураков уму-разу-

---

* Принятые в России до метрической реформы 1918-го года меры рѳзлива спиртных напитков, прежде всего водки: ведро — 12 литров; шкалик — 1/200 ведра, то есть 60 миллилитров (прим. ред.)

му учить. И здравствовавший еще во времена первого кровопролитного сражения и впоследствии за ним первого же бунта сицилистов в *Нашем лесу* Великий Лев остерегал власти и лесной народ: до добра все это не доведет, если путем самосовершенствования злоупотребители и дураки не изведутся. Не послушали старца-провидца, доигрались после трех лет Неметчинского кровопролития до окончательного бунта. Царя зверей с престола сбросили, власть в свои лапы и когти взяли сицилисты и масоны, внутриусобное кровопустительство во всю лесную пространственность развернулось. В конце же концов, победив внутреннего и внешнего супостата, в *Нашей стране* установилось общественное зверовластие, как *conditio sine qua non*, что по латинскому гимназическому учебнику значит «непременное условие», — в части всеобщего равенства перед табелями закона (чижик, что за канарейку сойдет), обязательного исполнения трудовых повинностей и прочих радостей и удовольствий лесной жизни.

Новая власть хорошо знала особенность характеров и своеобразия своих лесных подданных, что со старинных (от тех же все Гостомысла и Рюриков!) времен всегда завидуют чужому куску, если он хотя бы на золотник по весу больше своего, не говоря уже о социальном неравенстве всего-то в величине разменной медной мелочи. Потому с самого начала общественного зверовластия всех перевели на единые продовольственный паек и получение присвоенного содержания в неотягчающих карманы числе рябчиков. На несказанную же радость писарям новая власть обязала все лесное население отныне и вовеки знать грамоте.

...Даже убеленные благородной сединой мудрости и в сюртуках, увешанных писчебумажными наградами, великие сочинители в душе остаются малыми детьми («Счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней», — в таком смысле сам Великий Лев писал). Оттого они и восхитились, наивные, установкой новой власти на всеобщее подтягивание лесной сволочи и иных обывателей к овладению грамматикой, включая в оную синтаксис и морфологию... фонетику тож. «Теперича все читать обязаны наши рукописания, оттиснутые литеями, но уже без надоедливых «ятей» и «еров», а мы не будем успевать навещать в кассу трудовые рябчики в обандероленных пачках получать», — радостно делились писари в своем кругу. Одно их поначалу сдерживало: за время бунта и междоусобного кровопролития в лесу разучились фабриковать бумагу, даже обычную древесную, не говоря уж о веленовой цвета благородной слоновой кости и с водяными знаками. Типографии же печатали указы и публицистские куранты новой власти на синей хрусткой бумаге, в которую обертывают сахарные головы. Указов же являлось много, потому сахарной бумаги писарям оставлялось очень мало. А ведь сколько мыслей, партикулярных и новолиберальных, отчаянно бунтарских и воспитательных, хвалящих Маркову затею о справедливом накоплении и распределении лесных богатств и воспевающих в бунтах борцов за общественное зверовластие, толкалось в головах одушевленных *идеями и установкой* писарей? Но все упиралось в нехватку бумаги.

И в Тулуповском лесу редкая, почти что занесенная в звероохранную «Зеленую книгу», порода писарей, бесконечно далекая от претензий даже на самые нижние, что под полом, ярусы Скрижалей, также проявляла умеренный энтузиазм. Но, как метко заметил Великий Тигр переверотного в лесной стране бунта, что-де Тулуповский лес знатное и полезное в части общественного зверовластия урочище, но звери там *далеко не наши!* А потому они были *не нашими* и никакими отпечатанными мыслями столичных, тем паче — местных, писарей не интересовались, что исстари все гнули да гнули свои котёлки-самопалы, имея от казны регулярное содержание за свои труды в купюрных рябчиках; грамоте знали, но токмо для правильной разметки котёлок и верного подсчета окладных и премиальных рябчиков. Словом, со времен объерничавшего их первого успешного Енота ничего в среде тулуповских обывателей-котёлщиков не изменилось...

Литераторы губернского масштаба Омшаников и Сухариков случайно встретились напротив бывшего издательства-кормильца. Вспомнили прежние времена, когда по несколько раз за год заходили туда за солидными по провинциальным меркам гонорарами, повздыхали, позлословили о бывших и нынешних коллегах. Теперь оба нищей пенсией живут, изредка удается подрабатывать толику сочинением агиток на выборах-перевыборах. Поговорили и порешили, что единственное сейчас стоящее дело — пробиться в почетные граждане города: и приплачивают немного, и квартплату не требуют, на всякие торжественные мероприятия с буфетом, а то и вовсе с банкетом, непременно зовут.

— Да, хорошо бы, — мечтательно протянул Сухариков.

— Совсем недурственно, сударь мой, — поддержал Омшаников, поглаживая свои пушкинские бакенбарды.

Повздыхали, еще раз вспомнили недобрым, язвительным словом коллег-литераторов и разошлись. Пока до своих домов шли, все мечтали-фантазировали: как же почетное гражданство ухватить? Сухариков склонялся к совершению какого-либо трудового подвига, вернувшись к юношеской профессии оператора доильных установок. Долго мучался и Омшаников, а в конце концов позвонил — посоветоваться — руководителю местной писательской организации, разбудив того. «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут», — сердито буркнул литначальник.

В серых, малорябчиковых буднях, без помыслов о Скрижалях, редко тиская тощие брошюры в губернской типографии и лишь по случаю печатая колонки в местных публицистических ведомствах — все той же «За родную трущобу», дожили писари Тулуповского леса до окончания первой трети нового века. Имена их, по преимуществу, исключая разве что переводчика писаря-поэта из Эллинского горнолесья, сохранились разве что в губернском архиве Тулуповского леса — на стеллажах порыжелых от времени номеров «За родную трущобу».

Самое обидное для тулуповских писарей того времени, что их даже администра-

тивными мерами не побуждали к более активному писчебумажному искусству, говоря гимназической латынью: *necessitatio per stimulos* — принуждением через посредство стимулов. По всей видимости, в столичных культуртрегерских департаментах новой власти на них вовсе махнули рукой, памятуя слова Великого Тигра о *ненашенских*. Скучно, девушки, скучно...

♦ Конечно, особых-то эмпиреев на почву сугубой практической пользы тулуповские писари тех пламенных и одушевленных сердцем воспринятых Марковских референций о светлом предбудущем не выказывали. Это не значило, что писарская жизнь в Тулуповском лесу тлела. Но все дело в масштабе, в сравнении со столицами и университетскими центрами; как говорят в междоусобных разговорах ученые звери в академических шапочках: кого-то усмотреть и в мелкоскоп лучшей неметчинской фабрики «Карл Цейс Йена» маловозможно, а иной и без астрономической трубы в полнеба виден! И ежели тулуповские писари из фабзайцевой пролетарской молодежи робко толклись в коридорах официальных губернских курантов «За родную трущобу» — в основном по части подвала четвертой полосы «Стихи и разное», то в столице *Нашего леса* с постоянно прибывающих почтово-пассажирских из Эдесских каштановых бульваров сходили и разбегались по редакциям курантов и типографских образцовых заведений многие числом ушлые писари.

Но сочинительствовать может и медведь в одинокой берлоге, если под старость зимой бессонница овладевает и хочется излить трепетную звериную душу в *memoires* об обоснованиях всякой общественности, отдаваясь беззаветно своим ощущениям и горьким идеалам добра и справедливости и так далее. При этом расчувствовавшийся зверюга как бы забывает в долгих зимних воспоминаниях о былых его должностных кровопролитиях и незаконном присвоении прогонных и подъемных рябчиков от казначейства...

Это все к тому сказано было, что прибывшие с вокзальных перронов в редакции и типографии молодцы-удальцы мигом начали создавать всякие писарские сообщества, в собраниях которых витийствовали о беспредельных свободах нового общественного сочинительствования и требовали с юношеским задором зверей с новыми уклонениями в части идеалов и благ, необходимых для развития оной общественности, «сбросить с корабля Истории, сиречь ее Скрижалей для себя самих уготовляемых, всех до единого великих писарей прошлого века, особливо упоминая «Солнце лесной поэзии». Но вот Великого Льва «не трогали за вымя», ибо за недостатком времени, круглосуточно уходившего на прилюдное, площадное декламирование своих многостраничных поэм и баллад о свершившейся свободе, самостоятельности и угадываемой в своих горячих сердцах обеспеченности (в рябчиках в том числе), они никак не успевали ознакомиться с девяносто томами наследия «зеркала» лесной общественности... Да еще написанные тяжелым умственным слогом. А как «сбрасывать с корабля Истории», на зная за что?

Другие писари, прибывшие в столицы и университетские центры из глухих захолустьев смешанных и хвойных лесов от сохи и посконно-домотканного быта, также объединялись для ограждения и развития своих идеалов в разрешенные пока еще — ввиду недоработанности конституционных законов нового времени — землячества и союзничества. Эти грамотеи по преимуществу сочиняли о фордзоновском (свои еще мастерить не научились) «тракторе, идущем на смену крестьянской лошадке».

Тут еще рабфаковская лесная молодежь уверенно заявила о своем присутствии и пролетарских идеалах, тиская свои индустриалистические вирши и бытописания не то что в подвалах последних полос столичных курантов, но сразу опосля идейных передовиц и постановлений «партии и правительства», как со времен Великого бунта привычно стали называть верховных управителей *Нашего леса*. А почему не поимен-

но? — Чтобы ответственно в случае какого конфуза отнести по части неопределенности. Поэтому-то партию в передовых именовали мудрой, а правительство «плотью от плоти» трудящегося лесного зверья.

Во главу же партии, правительства и всего *Нашего леса* вступил Стальной Барс, некогда спустившийся с заснеженных гор далекого безлесного края, друг, соратник и верный ученик уже почившего Великого Тигра. Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 часть земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому; не пострадал смутьянам и ворами даже высших кондиционных рангов, перевел от громких слов к сугубой практике осязательное содержание общественного цветения лесных массивов и урочищ. Все он делал по грамотному порядку, добрался и до беспокойного, неумного писарского сословия. «Эк, распоясалась,— говорил он сам себе с горным языковым акцентом, прохаживаясь по своему кабинету со знаменитой курительной трубкой у барсовых уст,— все в ногу идут на стройки новой общественности, а эти разделились, как гимназисты младших классов в большую перемену, на ватаги и вот словесно лупцуют друг дружку: рабфаковцы фордзоновских лесовиков, те — «сбрасывателей с пароходов» — и все по кругу идут, забывая о важности создания прочных устоев, необходимых для подведения общественных идеалов от беспредметных мечтаний для практического их пользования... да-да, всенепременно искреннее пламенение писарской природы, одушевление которой сейчас имеет слишком отвлеченный характер, заручившись соображениями общественной пользы, необходимо без промедления притянуть к коллективизированной земле, заводам и фабрикам, лесной армии и водоемному флоту!»

Еще по ковровой дорожке кабинета туда-сюда походил Стальной Барс, три раза вытряхивая пепел из трубки и вновь набивал ее табаком из переломленных пахитосок «Герцеговина флор», умственно все привел в диспозицию по писарской части и Покребышеву отдал распоряжение срочно вызвать пред его очи из итальяйских курортов знаменитого пролетарского писаря Горькоусого Моржа, а по прибытии одного в столицу изложил ему продуманный регламент об объединении всех сколь-либо проявивших себя, тем более просиявших на ниве отечественной словесности, писарей в единое обобществление — Союз лесных писарей, сокращенно, что тогда было в модной фаворе, — *Леспис*. Что Горькоусый Морж по старой, еще времен бунтов, дружбе со Стальным Барсом и исполнил, сверив число проявивших себя и просиявших на ниве писарей по статистическим таблицам, при департаменте внутренних дел публикуемым.

На первый съезд Лесписа из глухих урочищ, заповедных дубрав, речных омутов, горных арыков, тайги и тундры, джайляу плоскогорий, кишлаков, аулов и айлов, пустынь и степей («и друг степей калмык...») шайтан-арбами, пароходами Речфлота, перекладными тройками, новомодными аэропланами, с щедрыми прогонными и представительскими от казны рябчиками с 1/6 части земной суши добрались все сколь-либо проявившие и просиявшие писари. Добрались скоро, безо всяких докук и настояний, к начальству обращенных: везде им зеленый свет был отверзд.

Во вступительном к отчинению первого съезда Лесписа Горькоусый Морж, соблюдая со всех сторон предмет размышлений о необходимости и полезности обобществления писарей в Лесписе, обозначил смысл и назначение одного. В особенности видел он последнее в дружественном объединении всех писарей *Нашего леса*, принадлежащих к различным и многим — свыше ста! — зверовым видам. И долженствование такого объединения (Волк обочь Овечки благонаравно рядышком расположится) тот имеет толк, чтобы показать всему *Ненашему империалистическому лесу*: мы есть единое перед лицом зверного пролетариата *Нашего леса* и перед лицом дружественных нам писарей всего лесного мира!

Особенно отчужднул в своем Слове Горькоусый Морж, что объединение писарей не суть лишь географическое понятие, но в основание такой общественности положено единоустремление нашей цели. При чем обобществление это вовсе не отриная своеобразия — в выдержанной пристойности — дозволенного вольномыслия и цветистости писчебумажного искусства каждого писаря, его манерности и устремленности к светозарным идеалам.

Обобществление всех наших писарей, продолжил оный достославный Морж, имеет место быть во времена империалистического одичания, устремленности к срамным злодействам и бесславным кровопролитиям. Но полное отсутствие воодушевленных идеалов свободы, обеспеченности и разумной самодеятельности у окружающей *Наш лес* империалистической звериной сволочи понуждает ее к безысходному отчаянию, а как следствие оного — возвращению к изуверству дремучей трупобной первобытности еще не благоустроенного леса.

Только наши обобществленные писари утверждают во всем лесном окоеме идеалы добронравия и осязаемого благопорядка — от ничтожнейшей лесной инфузории до величественных слонов и китов. И именно поэтому мы с полным на то историческим основоположением можем выступать судьями того лесного мира, что за нашими пределами (которые зашелкнуты на замок) и каковой находится в должествовании неминуемой гибели. Наша же задача в ближней и дальнейшей перспективе суть «не норовить в ложке утопить» чуждый нам лесной мир, но привнести в таковой гуманизм и ослобонить трудящиеся массы от пороков мыслей, совести и чувств. Главное завоевание нашего Великого бунта — это полное устранение на Аридовы веки* устремлений к накопительству, вельми вредного общественному процветанию, и дремучему звериному одиночеству.

Наш Леспис, завершал свое краткое, но убедительное Слово достопамятный Морж, сообразовался в обновленном Великом бунтом *Нашем лесу*, где руководимые должностными воспреемниками Великого Тигра лесные пролетарии и обобществленные землепашцы в праведных кровопролитиях обрели правомочность на всяческое успешное самоусовершенствование своих умственных дарований и естественного для всех нас трудолюбия. Целеустремление же наше — освященное мыслями и подвигами Великого Тигра, а ныне руководимое титанической волей Стального Барса — организовать лесное писарство как обобщественное добровольческое компанейство для воспитания в лесных обывателях-тружениках идеалов добра и бунтарской непримиримости ко всему тому, что мешает *Нашему лесу* идти семимильными шагами к вселесной свободе, беззаветно отдаваясь решениям нашей партии и правительства!

...Две недели длился с восторгом и на казенных харчах первый съезд Лесписа, по окончании же был единодушно принят Лесной писарский устав. А еще загодя хлопотами Горькоусого Моржа в столице было освящено с торжественным открытием специальное Высшее писарское училище для вящей вразумительности и наставлений инженеров лесных душ: организовано нести в лесную глушь доброе и вечное, создавать в мыслях будущих писарей прочные устои для практической натурализации всяких благополезных идеалов, решительно бороться в своих писчебумажных сочинениях супротив благодушствующих «писарских середняков» на дармовых хлебах, всевозможных потрясателей, подрывателей и злоупотребителей основ, искоренять в своей среде тех недобросовестных «примкнувших» сочинителей, у которых мысли вроде бы и резонные, чувства не задевающие те самые основы, но совести на медный пятак. Особенно выступающие на объединительном и обобществляющем съезде Лесписа требовали искоренения и дальнейшего недопущения в их ряды хал-

---

* То есть на многие века (вперед); из русского языка XIX века (прим. ред.).

турщиков, что, затесавшись в число *наших* писарей, исподволь скучно на бабах разводят или паче всего на округление периодов приналежат.

...Много чего за две-то недели посланцы далекие лесов, водоемов, горных арыков и джайляу, кишлаков, аулов и айлов (что по созвучию близки, но в разных географических пространствах наблюдаются), да еще на полном казенном содержании, вельми доброго, вечного и справедливого порассказали. Оно того и ожидалось устроителями: ведь не нищие сволоклись на поминки упраздненных на съезде междоусобных писарских кумпанейств, но во весь голос новые пролетарские инженеры лесных душ, поклонившись в верноподданничестве, направляющей силе обобществления *Нашего леса*, заявили всему империалистическому миру: «Мы — умы, а вы — увы...» — «Кто там шагает правой?левой, левой!» (При этом для вящей вразумительности поясним: имелось в виду не принятое в империалистическом Аглицком безлесье левостороннее дорожное передвижения и не *наше* правостороннее...).

...Как обычно, по сложившейся со времен Гостомысла и братьев Рюриков традиционности, все события в *нашем* писарском обиходе проходили обочь Тулуповского леса. Были ли званы на учредительный съезд Лесписа робкие писари оттель? История таковых имен не называет. Скорее всего, званы не были, а незванный гость? Таки не пришло и здесь время Тулуповскому лесу иметь своих проявивших и просиявших. Великий же Лев давно почил в бозе... да и не поехал бы оный на съезд. Не уважал он мероприятий соорганизованных. Во время оно даже отказался с гневом от премии нефтяного и динамитного купца Нобеля, о коей во сне и наяву грезят вот уже за сто лет все писари лесного мира, ибо она сходу возносит обладателя ею на самый горный ярус Скрижалей.

♦ Сразу скажем по времени вперед на четверть века от прохождения достославного первого съезда и собственно учреждения в целях общественного процветания и благополезного регламента Лесписа. Уже давно почил на вечный отдых от трудов благоустройных Стальной Барс. *Нашу* партию и правительство, вероломно взяв верховенство, теперь вел к идеалам Кукурузный Вепрь; ни шатко, ни валко вел, но накопленным рачением тезоименитого предшественника огромное лесное богатство и установленное благонравие вывели *Наш лес* в мировое первостепенство. Обыватель впервые за лесную Историю преисполнился сытостью и нравственным благодушием. Золотой век ощутимо наступал, и не бездельным обычаем, но веселыми трудовыми буднями все устремилось приводом к единому знаменателю: каждому по его внутриутробным потребностям!

В начале своего верховенства Вепрь ослабил либерально вожжи писарям и радетелям иных благоприличных изящных художеств, что и поспешили наречь «оттепелью». Но скоро Вепрь осознал свою административную оплошность и сызнова ввел прочные устои для исполнения идеалов: кое у кого из писарей повыдергивал (изустно) из шаловливых ручонок гусиные перья, а живописующих уклонистов от предначертанных идеалов и вовсе пидорасами нарек. Сам Вепрь простонародного званья был зверь, любил грубо пошутковать: дескать, узнаете у меня как Кузькину тещу зовут!

...Опять же по горестной традиционности за проистекшее со времени соорганизации Лесписа два с половиной десятка лет ни один из тулуповских писарей не проявился и не просиял. Быть только может один поэт, которого для исправления идеалов, давших у него некоторую кривизну, на время прислали из столицы в одно из фабричных урочищ Тулуповского леса? Но тот побыл положенное ему, кривизну поправил и взад в столицу возвратился. Все одно — временный и пришлый в нашем кондовом лесу... К тому же впоследствии не на высокие ярусы Скрижалей определился. Про девочку Лиду он строки слагал.

А меж тем зарекомендовавшие себя с лучших позиций коренные обитатели писари *Нашего леса* и которые по регламентной разрядке с южных пустынных и гористых окраин удостоенные титла почетной граждан, то есть обилеченных членов Лесписа, что в новой, общественной табели о рангах означало майорский чин, в полное восторженное ликование впали... Мудрый Стальной Барс, соорганизовывая с усердием Горькоусого Моржа Леспис, совсем не случайно переименовал старинную — от Гостомысла и Рюриков — присказку «хороший писарь — голодный писарь» в обратную: «лучший писарь не должен отвлекаться на поиск хлеба насущного». То бишь, с одной стороны, бесталанный пролезть в члены Лесписа, да еще бездельным обычаем, был поставлен в диспозицию библейского верблюда, стремящегося протиснуться сквозь игольное ушко: широкая, массовая общественность пишущих и читающих, а также благодушная отеческая опека лесной партии и правительства не позволяли. Со стороны другой, обильный казенный харч от положенного натурой и гонорарами оклада содержания держал обилеченных писарей постоянно в состоянии бодрственной действительности, не отвлекаясь на жажду бесформенных чаяний — а то запросто могли отчислить по инфантерии в нижних, стенгазетных чинах! «Билет с золотым на обложке профилем Великого Тигра на стол!» — и окончен разговор.

К тому же время шло, а *времена* изменялись. Если при Стальном Барсе от членов Лесписа, несколько попуская особо талантливым, требовалось непременно обличать потрясателей основ, подрывателей устоев и злоупотребителей по части науки и практики накопления и распределения обобществленных богатств, то еще при Кукурузном Вепре, даже при его неустойчивом соображении по части писарей и всяких художеств, не говоря уже о его восприимчивости на высшей в лесной стране должности благодушном Втором Тигре, обилеченные и стремившиеся в ареопаг оных писари неназойливо отыскивали выход. По молчаливому уговору меж собой, пользуясь радикальной устареваемостью бессменных руководителей *Нашего леса* (их в наступившее либеральное время уже не приводили периодически к одному знаменателю, как то было принято при Стальном Барсе) с естественным ослаблением бдительности и тягой к снисходительному благодушествованию, было достигнуто джентльменское, как говорят в Аглицком безлесье, соглашательство. То есть власть не выказывает неудовольствия по части легких намеков писарей на некую якобы неустроенность лесного народа в части свободы, самостоятельности и обеспеченности в отношении накопления и распределения лесных богатств. А потому не выказывает, что располагает многой старческой мудростью, то есть понимает: всякий зверь имеет пожелание продовольствоваться от пуза, а писарь — тем паче, поскольку он есть труженик умственный, а она работа по природному, биологическому естеству требует чрезвычайного расходования нутряной энергии мозга (если он еще из головы не выветрился!), которая токмо и возобновляется двойной пайкой поросят, кур, меда и сивухи к обеденному столу.

Поелику же писарь рябчики на покупку продовольствования имеет по преимуществу от гонорариев, размер которых в масштабной пропорции издательскими бухгалтерскими регистраторами исчисляется от проданных в писчебумажных лавках книг писарей и толстых курантов с их же сочинительствами, то в оных рукописаниях тот должен подпускать намеки на легкую крамольность и некоторую подлость мысли. Конечно, даже в потаенных своих мыслях не допуская какие-либо потрясения основ и подрывания устоев! Но вот такими-то необходимыми для власти (дескать, о твоей же благонравной крепости заботимся!) намеками только и может хитроумный писарь потрафить лесному читателю. Ведь со времен Гостомысла и воследовавших ему Рюриков известна посконно-домотканная вредность *нашего* лесного звериного народа: в чужом глазу соринку узреть, забыв о своем бревне...

В недавние былые времена, когда литераторы жили хорошо, опекаемые Литфондом Союза писателей СССР и приписанные к издательствам, труд их был регламентирован и очерчен определенными рамками. Так, столичным писателям и «продвинутым» провинциалам, отмеченным высокими премиями, позволялось сочинять на темы философски-отвлеченные, общечеловеческие — понятно, в рамках гуманизма, интернационализма; рекомендовалось попутно добрым словом отзываться о руководящей роли... и лично! Но от наиболее знаменитых и известных «за бугром» здесь требовался джентльменский минимум: прямо не восхвалять, но «пусть будет плохо тому, кто дурно об этом подумает». Провинции же, периферии по-тогдашнему, оставалась конкретика: воспевание людей труда и агитация за советскую власть. Здесь о партии и правительстве полагалось петь гимны, но в персонификации партийгеноссе не выше областного масштаба.

Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевого порноромана. Провинциалам же, бывшим периферийщикам то есть, осталось только развлечение в виде пуска литературных мыльных пузырей тиражом в 100 экземпляров — своих кровных, или если полного дурака-благодетеля найдут. Вот соберутся они в крохотной комнатухе местного отделения писательского союза (их сейчас несколько) и пускают пузыри:

- О-хо-хо, были же времена хлебные?*
- О-о-х, то ли еще впереди...*

С ответной стороны, блюдя это аглицкое джентльменское соглашательство, писари дают при получении членского билета Лесписа «клятву верности»: сочинять благопристойно, особенно в части предметов, лежащих в основании обобществленности, не хулить даже полусловом (или единой буквицей с многоточием) все властные персоны и их должностные статусы, начиная с чина коллежского асессора, то есть статского майора. Коль же сами они по Лесному писарского уставу тоже отнесены к таковому чину, то избегать внутреннего междоусобства. То есть воодушевляющее пламя критики партикулярной можно раздувать только на образы персон нижних ступеней табели о рангах, особливо на безвинных овечек коллежских регистра-

торов, а внутренней писарской критики токмо на еще необилеченных и пишущих в свои урочищные и фабрично-заводские стенгазеты. В остальном — *littera quoad litteram* (в отношении буквального смысла) — всеобъемлющая круговая джентльменская порука. Уже не по-аглички, но по природным нравам *наших* лесных обитателей.

♦ Для вящей вразумительности и подчеркивания того, что писарство отныне включено в общий табель профессий, хотя бы условно безчиновных, но приравненных к майорскому достоинству, регламентом было определено: званием *писаря* именовались токмо обилеченные члены Лесписа; все же остальные тяготеющие к рукописанию и к светлой, радужной перспективе войти в ряды таковых звались *сочинителями*. Между ними пролегла не то что доступная перепрыгиванию, подоткнув за опояску полы партикулярной шинели, обоченная булыжной мостовой канава, но — пропасть окоемная! И вот здесь-то возникла скверна зависти необилеченных к действительным лесписовцам. Как же страдали в уязвленной гордыни тулуповские сочинители за те четверть века от основания Лесписа, что в их рощах, ельниках, осинниках-березниках, дубравах и болотистых урочищах не имелось ни единого полного (как полный генерал от инфантерии или кавалерии...) писаря?! Даже фабрично-заводские стенгазетчики Чижик и Канарейка с подсвистывающими им Скворцом, Соловьем, Зябlichem, Синицей и Пеночкой, тем более иногда публикуемые в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и комсомольской «За молодую трущобу», уже твердо освоившие грамоту и умение лихо чиркать гусиным пером Снегирь, верноподданнический Копчик, осанистый Ястреб, патриарх сочинительского дела Глухой Тетерев и рабфаковские «собственные корреспонденты» всей веселой стаей — Кукушка, Ворона, Галка, Сорока и Горихвостка... словом, все они засыпали на своих ветках деревьев и раскрывали очи на утреннее солнышко с единой довлеющей мыслью: а не оттиснут ли в столичной образцовой типографии уже тот билет с золоченым профилем Великого Тигра на обложке, в графы которого фатальной судьбой уготовано в оно время каллиграфу-регистратору Лесписа начертать железисто-галлусовыми чернилами *его Имя*? Но — «долог путь до Типперери, долог путь, четыре дня. Знаю я, красотка Мэри в Типперери ждет меня»... как в годы первого в этом веке великого вселенского кровопролития распевали на позициях солдаты Аглицкого безлесья... Горестно, несмотря на радостное утреннее солнечное благолепие, стреножили они свои мечтания; ведь вступить в Леспис намного сложнее, нежели, к примеру, получить ученую степень доктора филологии.

И было отчего исходить от невольной (или вольной?) зависти. Ведь рядовой провинциальный сочинитель даже в продовольствовании своем перебивался с хлеба на квас, а писари, особливо столичные и университетских центров местопребывающие, жировали. Об этом с огорчительным восторгом рассказывали тулуповским стенгазетчикам и «специальным корреспондентам» иные лихие снегири, сороки и горихвостки, что иногда ездили на перекладных и «чугунке» в столицу: побегать нахраписто по редакциям толстых писарских и тетрадного формата комсомольских курантов со смешными предложениями (ох, фофаны они, фофаны!) тиснуть их поэмы и романы о трудовых буднях родного леса.

Безнадежно толкаясь в редакциях, они и узнавали о регулярно-спокойном обиходе проявивших и просиявших обилеченных писарей. У них теперь и мысли об утолении нервного голода выветрились из голов. Уже не только по табельным числам харчевались они штыми с убоиной, но всяк-то день хозяйки их из печи на стол ухватили метали горшки. Да все с бараниной-то штицы! В праздники же, которые в память о предбывших бунтарских геройствах, особливо в главный из них, что на канун Михайлова дня в отрывном календаре киноварью помечен, а также в день опосля ведьмовской Вальпургиевой ночи, в тезоименитство Парижской коммуны, Взятия Басти-

лии и Восстания лионских ткачей... — в оные торжества шти с убоинной понеже постными полагались, а огромные овальные столы, доставшиеся обилеченному вкупе с отведенной по литере многокомнатной берлогой от прежних эксплуататорских классов, перебравшихся на прозябание в Галльский лес, хозяйки писарские уставляли для гостей иными яствами.

Очищенную «рыковку» и настоящую сорокоградусную гости гурмански заедали семгой-порогом и копчеными переславскими сельдями. Не вспоминая о бедной своей молодости, когда для них все было и в пир и в мир, празднично собравшиеся писари лакомились копченой же тамбовской ветчиной, что почище хваленого пресмыкательями перед Западным лесом вестфальского окорока. После тяжелого даже для закаленного круглогодичным мясоедом (не как раньше токмо в весенний и осенний, когда свадьбы справляли...) писаря поросенка с гречневой набивкой и хреном, следующие тосты вегетариански закусывали малосольными калиброванными муромскими огурчиками, а нарочито («мы от сохи, вашими изысками брезгуем...») крестьянский поэт Коняга хрустел тугой квашеной ростовской капустой. Жены и дети писарей лакомились ржевской, коломенской и белевской (бывш. «поставщик двора Его Императорского величества») пастилой и засахаренной кольской морошкой, что по раннему озимью, когда установится торный санный путь в Лапландию, поставляют в столицу архангелогородские купцы — люди поведения трезвого и к идеалам обобществления благонамеренные.

...Чего только с три короба не расскажут побывавшие в редакциях столичных курантов лихие снегири, сороки и горихвостки? Известно, славны бубны за горами! Но даже толика истины из рассказанного ими (под отведенный регламентом сочинителям хлеб и квас) неимоверно будоражила провинциалов, поселяя в их головах и душах бессильные порывания «от тьмы к свету» встревоженной бессознательности.

И как-то не задумывались не проявившие и не просиявшие о жизни, трудах и заботах обилеченных писарей. Мало того, что с них верховная лесписовская — и бери куда выше! — власть строго спрашивала рапортами и изустно даже за невольные отклонения от утвержденного Лесного писарского устава. Устав же тот при его перерождении был внимательно прочитан (с красным карандашом) самим Стальным Барсом и одобрен. Поверх же официальным языком изложенных — все-таки партикулярный документ! — положений о добровольческой деятельности писарей по распространению в своих книжных и курантовых тисканьях здравых мыслей в обществе лесных обывателей (о лесной сволочи уже не принято упоминать) ясно полагалось основное предназначение Лесписа и составляющих его обилеченных. А именно: не для того писарям положен ежедневный харч из штей с убоиной, и по праздникам* и поросенок с гречкой и хреном, чтобы они благодумствовали и считались чинами, то бишь числом оттиснутых в книгах и курантах авторских листов и полученных за оные премиальных, а также прогонных и представительских на поездки к своим читателям в лесную глушь. Нисколько не так. Билет Лесписа получал только писарь с горением таланта в душе... и в голове, конечно, осененный благосклонностью муз Эрато, Каллиопы и Мельпомены, мыслию витающих в Дельфах (а тем, кому заграничные поездки разрешены — и воочию) близ источников Иппокрена и Кастальского ключа. А собственно задача Лесписа — отображать волнующую обобществленную действительность и устремление к высшим идеалам. Главное же в том заключается, чтобы воспитывать лучшие чувства, нравственность, поиски доброго и вечного в *трудоущемся* обитателе *Нашего леса*. И срок жизненности, самого существования и необходимости в оном для Лесписа, как одушевляющего предмета в обобщенности жизни, — соотносится с отпущенным Историей временем самой действительности указан-

---

* См. выше (прим. ред.).

ного обобществления. Пока что в *Нашем лесу*, но желательнее в распространённости по всему лицу земли в качестве узаконенной нормы, каковой руководит неусыпно Марксова наука о накоплении и распределении обобщественных богатств.

Еще же наивные провинциальные не проявившие и не просиявшие не ведали в своей тулуповской чащобной глуши о постоянно вспыхивающих междуособных словесных кампаниях-баталиях в среде обилеченных писарей, особливо и по преимуществу столичных постояльцев. В порушение положений писарского устава поливали они самым непристойным и подлым образом друг дружку, в основном, все из зависти по части упомянутых авторских листов, премиальных, прогонных и представительских, зачастую вовлекая в паскудное это дело и власть предержавших посредством особых писарских доносов.

...Но обо всей кухмистерской таких междуособенных баталий с отчаянной подбобностью всех их перипетий рассказал в своем волшебном-магическом романе один столичный писарь, в большой мере хлебнувший воодушевляющей влаги источников Иппокрена и Кастальского ключа в особенности. Поначалу он в писаниях зарекомендовал себя не с лучших позиций, слишком вольнолюбиво и со смехачеством относясь к начальным годам обобществления в *Нашем лесу*, но затем кастальская жилка в нем возобладала, сурьезно стал рукописывать, даже в определенных смыслах проявился как собиный собеседник в телефонных диалогах с самим Стальным Барсом, знавшим толк в истинных талантах.

...Но все это обсуждено и переговорено писарскими дятлами и кротами науки писареведения. Мы же вернемся к сочинителям, а впоследствии даже писарям Тулуповского леса. Полагаем — до самого окончания нелюбимого, но вдохновенного повествования.

♦ Мечтания о ежедневных штях с убоиной и поросенке под хреном в праздники и иные табельные дни для тулуповских сочинителей обострились в верховенство Кукурузного Вепря — в пресловутую «оттепель». Но все едино ни одному из оных сочинителей не удавалось вспрыгнуть в чин писаря, хотя бы они не только никаких пропаганд по предметам всеобщего обобществления не распространяли, но порой являли и недюжинные сообразительные способности к складыванию виршей и написанию повествований. Самое обидное — в самом Лесписе не токмо официально, но и за дружескими ассамблеями с поросенком и тамбовской ветчиной не выказывали ни малейшего сочувствия к тревожностям тулуповских сочинителей за свое светлое будущее, проявление и просияние. Как в народе лесном говорено: не все в ус да в рыло, ино и мимо.

Не могут обиженные тулуповские бесчиновные сочинители сообразиться настоящим моментом: чем они провинились? Или в провинции талант меньшего весу, нежели в столицах и университетских центрах? Казалось бы, в упорном старании их не обвинишь. Не только в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и его младшего, комсомольского брата «За молодую трущобу» они регулярно тискаются, но с благонамеренной регулярностью два раза в год начали печатать свои толстые писарские куранты «Тулуповский сочинитель». И книги свои начали печатать, благо судьба сама катила им навстречу «златые горы и реки полные вина» в виде собственного, печатающего полезные для нравственности и обобществления сочинения издательского заведения. Как издревле принято в лесной стране, сообразно сработала присказка: нет худа без добра. То бишь утомивший весь лесной народ своим *волюнтаризмом и пробелелизмом** Кукурузный Вепрь сделал единст-

---

* С такой энциклопедией в 1964 году <имярек> был удален со всех своих чиновных должностей; волюнтаризм — всем понятно, но пробелелизм требует пояснения: от имени социалиста Августа Бебеля, имевшего некоторое недопонимание теории Маркса (прим. ред.).

венное за свое самоуправное время доброе дело: разогнал неизмеримо скопившийся в столице чиновный народ, у которого от обилия дармового харча в виде штей с убоинице, поросят под хреном и копченого тамбовского окорока мозг в голове усиленно выветривался — расселил его в правильной пропорции по губерниям. Волею (волонтаризмом?) случая Тулуповский лес в новом административном порядке получил статус главного над несколькими соседними лесами, потому в нем учредили местное правительство (партия осталась одной для всех, как и Леспис). Для благонравия, резонности и действия по пристойности при нем создали в тулуповском губернском центре и многие полезные учреждения, рассчитанные на все подопечные леса, в том числе и издательское заведение для печатания благополезных книг. В числе оных предположено было тискать и благонравные сочинения, чем тулуповские писчебумажные труженики тотчас воспользовались под латинским девизом *jus primae noctis* (право первой ночи), коль скоро издательское учреждение хотя и рассчитывалось на несколько лесных губерний, но располагалось-то оно в Тулуповске! А значит местным сочинителям не токмо не следует тратиться на прогонные и представительские рязбчики из самоличного кармана, но хоть кажинный день, исключая праздники (покуда, увы, без поросенка с хреном...), в пешем — для бодрого освежения мысли — порядке шествуй в издательское заведение и убеждай тамошних служащих во всепременной пользе и воспоследующем от того распространении здравых мыслей в лесном обществе от первоочередного тискания его сочинений...

Так благоустроилось в Тулуповском лесу, что и свои писчебумажные куранты завелись, и *bonum vacans* — вакантное благо печатания сочинений в издательском местном заведении предоставилось, но... не являлись в тулуповские пенаты билеченные писари. Хоть в колокола звони и чужих к себе переманивай!

...Сбылось таки! Пришло и в Тулуповский лес писчебумажное счастье — вожденный момент просияния наступил! От сочинительских посиделок-воздыханий и курантов «Тулуповский сочинитель» в одночасье соорудилось административно-официальное отделение Лесписа, что предполагало обретение Тулуповском билеченных писарей.

В полностью обобществленном лесу не общественность как таковая решает те или иные поползновения на образование предмета действия, но принятый регламент. Но кроме него продвижению к образованию предмета во многом, если не во всеобщности, способствует соревновательность равноправных, но имеющих в подчинении различные леса и урочища властей. Как писари и сочинители считаются своими писчебумажными чинами, то бишь числом оттиснутых типографскими литерами авторских и печатных листов с дальнейшей их брошюровкой, так и воеводы различных губерний пристально надзирают за равными по чину: а не завелся ли у моего соседа воеводы <имярек> таковой занимательный предмет, на коем в *моей* губернии еще слыхом не слыхивали? А коль упущение обнаружено мною самолично, либо же исправником, предводителем, каким-либо малочинным станovým или тысяцким доложено по канцелярии рапортом, то немедленно: ату их! Создать немедленно! Воплотить в бодрственную действительность, на закон не наступая, но для скорости обходя его в дозволенных устоях и градациях! И для благонравной строгости и побуждения к исполнению: ма-а-лчать! Не рассуждать, а тотчас перевести предмет из области эмпиреев на почву практической пользы! Затем от нарочитости административного гнева перейти к поощряемому благодущию: дескать, действуйте по пристойности, ибо оный предмет суть благо, вельми необходимое для развития обобщественности. В наградных за усердие не сомневайтесь!

Вот по такой-то диспозиции и произошло в Тулуповском лесу в части сооружения соревновательного предмета — губернского отделения Лесписа; в устоявшемся впоследствии поименовании — *Тулупис*.

◆ Надо сказать, что сразу после достопамятного учреждения Лесписа в университетских центрах и в обычных лесах и урочищах дальневидные воеводы принялись, радуя об общественном просвещении и рекомендации своих губерний с лучших позиций, учинять отделения Лесписа. Главное — пройти первое препятствие: по Лесному писарскому уставу требовалось наличие присутствия в губернии не менее пяти уже обилеченных писарей. Для сызнова учрежденных губернских писарских автокефалий утверждались три условные должности: руководящего Льва в чине подполковника, Осла в майорском звании и бесчинной Птицы-Секретаря. Отметим: это именно наименование табельных должностей. Замещать же оные мог иной благонамеренный по своему естеству зверь; для сего не требовалось уточнение рапортом и иных докук и настояний, к лесписовскому и местному губернскому начальству обращенных. Не допускались токмо рыбы ввиду их бессловесно урожденного характера, никак не сообразного писарским занятиям. Впрочем, должность Птицы-Секретаря являлась чисто регистраторской, не востребовавшей писчебумажных наклонностей.

Осел, хотя бы уроженец иных, теплолюбивых климатов, по сочетанию врожденной мудрости и доверительности междусобойных суждений, а также пристойной осторожности в части улавливания потрясательных, подрывательных и злоупотребительных намеков всего более соответствовал должности заместителя Льва по творческой пристойности соучастников губернской писарской соорганизованности. Однако — к собственно истории появления Тулуписа.

Возвратившись с большой, что раз в четыре года происходит, властительской ассамблеи, на каковой речь шла и о роли писарей в дальнейшем усовершенствовании обобщественности, тулуповский воевода, донельзя разобиженный ерничеством на оной ассамблее в его адрес (в буфетных перерывах) властителей иных лесов и урочищ, уже соорганизовавших писарские сообщества, грозно упрекнул ответственных за культурное времяпрепровождение лесного народа чиновников, намекнув явно и прилюдно: а не напрасно ли вы получаете присвоенное содержание?

Огорченные культуртрегерские чины принялись действовать по пристойности, но и поспешая. Главное, старались, чтобы их огорчительное одушевление не имело отвлеченного, как принято в их благодушной среде, характера. «Партбилет на стол!» — более всего устремляло к практической действительности.

Начало делу положило зачисление двух тулуповских сочинителей, один из которых в давности даже побывал секретарем у Великого Льва, в писари. Правда, для учета и регламента их провели по соседнему лесу. Тулуповский воевода, промолчав на такую обиду к унижению своего чина, еще раз провел нелюбезный разнос чиновникам от культуры: дескать, ищите где хотите, апартаментные берлоги и рябчики подъемные, харчевые и представительские не задержатся, но чтоб, вынь да положь, в самое ближайшее время в *моем* лесу еще трое обилеченных имелись!

Коль скоро в это время вторая (из женского полу она была Оленихой) из ранее зачисленных в писари являлась курсисткой Высшего писарского училища, то ей и вчинили негласно сагитировать троих однокашников по училищным курсам, с билетами Лесписа, перебраться под сень Тулуповского смешанного леса. Дело было сделано: слабо благоустроенные в исторических родных лесах и чащобах завербованные писари, в том числе из Якутской мерзлявой тайги и Полесских болот, прибыли в Тулуповск. Каждый получил по роскошной трехкомнатной берлоге (даже если был сам-двое с супругой) в центре губернского города, в добротных «сталинских» — так их звали по имени Стального Барса, при котором халтурить воспрещалось, — домах. И рябчиками прогонными, подъемными, харчевыми и представительскими не обидели.

Вот и собрался негласным радениям беспокоящегося о культуре и благонравии лесного народа воеводы пятерик кандидатов в проявившие и просиявшие писарей. И никто им (пока что) поперек не стоял, берлогам апартаментным и рябчикам подъем-

ным и харчевым регулярным не заводовал. Время оно, когда один дурак пятерых умных сорот, еще не пришло. Словом, благиот в воздухах при появлении на свет Тулуписа разлиты светозарно были: *fac bonum et omitte malum* — делай добро и избегай зла, как говорил один из родоначальников этой славной соорганизаии, упоминаный выше последний секретарь Великого Льва, коль скоро он в царевой еще гимназии ума-разума набирался и латынь зубрил за партиой оной.

...А раз не мытьем, так катаньем, в смысле числом и достаточным умением, пятеро обилеченных писарей собрались воедино (но каждый в своей благоухоженной берлоге) под сенью командированных от Кастальского ключа в Тулуповский лес писчебумажных муз, то, как говорено, и свадебку пирком. Воевода, теперь уже не остерегаясь язвительных намеков на некультурность от хозяев других лесов и урочищ, благословил создание Тулуписа; Леспис одобрил, приписав создание еще одного очага в лесной глуши, конечно же, себе. На организационную ассамблею прибыли из столицы руководители Лесписа, седовласые и умудренные, естественно, проявившие и просиявшие на положенных им ярусах Скрижалей. «Писари Тулуповского леса,— в заздравном спиче на ассамблее говорил один из них, просиявших,— вельми должны усердствовать в сочинении резонных книг об обитателях вашего преславно-го леса, при этом держа в уме, что читать их станут по всем окоемам *Нашего леса!*»

В завершении празднично организованного властями и усердием самолично тулуповского воеводы, предводителя и исправника тож, действия, но уже в междоусобном писарском кругу был избран на должность Льва сманенный из Якутской мерзлявой тайги писарь. Признанный умелый соорганизатор пишущего зверя и тонкий дипломат в части междоусобных раздоров.

♦ Лиха беда начало, даже если лихо всенепременно за спиной всякого счастливица стоит. Но лихо самочинствует некоторое время втихомолку и набрасывается на ничего не подозревающего опосля... когда природная бдительность писаря утрачивается. Но случится сие лишь через десять лет после узаконения Тулуписа, о чем позже будет сказано. Пока ж облагодетельствованные Лесписом, воеводой и культуртрегерскими властями тулуповские писари развернулись во всю губернскую ширь и удаль. Не следует мнить, что Леспис и его губернские отчинения были устроены радением Стального Барса и Горькоусого Моржа едино для беззаботного продовольствования писарей. Это было бы накладным для лесной страны баловством да и только, о чем выше приведены пристойные рассуждения. Главное — обеспеченное жительство и харчевание не отвлекало писарей от сочинения книг, способствующих общественному цветению лесной страны. А с числом отписанных литерами книг и междусобойных критик приходило и мастерство, которое, в свою очередь, продвигало к проявлению и просиянию с весомой надеждой на оседание в положенных писарским регламентом ярусах Скрижалей.

В обобществленном *Нашем лесу* во всем главенствовала коллекта*, из чего приветствовалось численное возрастание писарей. Шестым сочленом Тулуписа также стал пришлый, завершивший все те же курсы при Высшем писарском училище Сказочник. Родоприсхождением с Мокшанских лугов. И его воевода с предводителем не обошли трехкомнатными апартаментами, прогонными, подъемными и пр. Имеется в арифметических учебниках для гимназий, того же Магницкого (но и не того, что упоминали выше...) правило о прогрессиях, где та же коллекта возрастает не простым прибавлением единиц (един в уме держим, два в пропись заносим), но все набирающим мощь при увеличении текущей численности. Так наблюдалось и с Тулуписом: после прибытия Сказочника чужих более не звали, а междоусобным тайным голосованием вычленяли в писари наиболее способных тулуповских сочинителей. И им воевода по наущению партийного предводителя на добротные берлоги и подъемные не скупился.

* Термин (разговорный и книжный) XIX века, далее трансформировавшийся в «коллектив» (прим. ред.).

Вызвал халиф Кишимистанского ханства визиря по идеологии для доверительной беседы:

— Знаешь, Саулбек Биригендерович, моя дочка Зульфия, которая, как ты хорошо знаешь, в МГУ на филфаке учится, намедни позвонила. Дали ей сложную тему для курсовой работы по политологии: «Большевизация и современная американизация Средней Азии в исторических параллелях»...

— Вот, неверные, как закрутили, мой повелитель!

— погоди, Саулбек, не на митинге мы, не на телевидении. Давай к делу. Референт мой кое-что скачал с Интернета, но нужны практические примеры. Нарой что-нибудь по памяти.

— А чего тут рыть. И сами, ваше... сам, дорогой Назым, знаешь по моей биографии. Дед Барлык-хан в двадцатые годы был главным басмачом в наших местах. Три года за его отрядом конники Ворошилова безрезультатно гонялись. Кроваушки реку немалую дедуся пролил. Но затем, как человек умный, первым дал клятву Клименту Ефремовичу в верности партии и народу и обменял именной маузер — от английского короля Георга — на должность первого секретаря обкома. Убывая беседовать с аллахом, передал ее отцу Биригендеру Барлыкхановичу, а тот, как сам опять же знаешь, меня в наследство ввел на закате нашей бывшей родной власти. Теперь вот ты меня подобрал... вроде как все в обратную сторону двинулось.

— Эт-то ты на что намекаешь? Знай все же меру, хотя и в ВПШ вместе учились! Кстати, сегодняшшний курс поганого доллара к нашему алтынчачу узнавал?

И самим тулуписцам веселее во все увеличивающейся коллекте время, остающееся от писчебумажных упражнений, проводить; опять же интриги повелись, что бодрят течение жизни и учат проворству, и тулуповским властям есть чем по культуртрегерской части на вселесных ассамблеях отчет держать. Выступает, к примеру, по принятому регламенту на такой ассамблее тулуповский воевода, доложил о благонаравии обитателей своего леса, а по части хозяйственной зачитал таблицы о числе котёлок, пудах меда, числе поросят (с хреном и пока еще без оногo), ведрах сивухи и пр., сгношенных в Тулуповском лесу его с предводителем и исправником радением.

Ан недоброжелатель из залы ехидно: «А как с культурой-то! Имеются ли в наличии присутствия обилеченные писари?» Раньше бы воевода скуксился, а теперь горделиво и подбоченясь: «Превосходно у нас с культурой со всех сторон рассматриваемого предмета. Если до обобществления в Тулуповском лесу имелся в наличии токмо один писарь — Великий Лев, то ныне у *меня* оных, зачисленных в Леспис, целиковый двадцатник!» Ассамблея от гордости за своего сочлена в полном восторге рукоплещет. Только допущенные на это мероприятие седовласые проявившие и просиявшие, уже при жизни занесенные на Скрижали, меж собой не обидно ухмыляются... мол, из пустой хоромины, либо сыч, либо сова, либо *сам сатана*. Как в воду седовласые насчет Тулуписа глядели — но позже об этом опять же.

Десять лет начального существования Тулуписа — самое блистательное время для тулуповских писарей. В тогдашнюю пору все лесные жители страны от мала до велика читали книги и толстые писарские куранты, развивая в себе благонравие и упраздня всякие подлые мысли, что остались от эпохи старого, еще не обобществленного леса. У тулуповцев, исстари полагающих свой лес наипервостепеннейшим, горделивое чувство к писарским землякам все более проявлялось. А те, по регламенту обилеченных, уже не одни подвалы курантов «За родную трущобу» и «За молодую трущобу» занимали, но и целиковые писарские рубрики там завели. Каждый писарь раз в год-два тискал многогонорарную книгу в *своем* издательском учреждении. И в столичных курантах кое-кого из них приметили и привечать начали. Премияльными особо пока не баловали, но уже Олениха получили скромное, но на слуху у всех писарей лауреатство...

Бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу. Авторов по дагерротипам в местных курантах уже в лицо на лесных улицах начали узнавать. Писари же, особливо из легких на подъем стихотворцев, солидную прибавку к гонорариям извлекали из творческих поездок с выступлениями перед лесным народом по заводам, фабрикам, урочищам, департаментам и училищам Тулуповского леса. И по части грамотного сочинительства писари усердствовали: записывались в Высшее писарское училище или на курсы при оном, благо столица рядом, а прогонные всего два рубчика в един конец.

Но — писарь полагает, а имущий власть располагает. И вышел превеликий конфуз с Тулуписом.

♦ ...Однако грех да беда на кого не живет? Разблагодушествовались не токмо писари тулуповские, но в «золотые годы» верховноправительства Второго Тигра, давшего пинка под зад волонтаристу и пробобелисту Кукурузному Вепрю, вся лесная страна, перейдя на ежедневные шти с убоиной, приобрела искреннее пламенение души и осязательное содержание своих трудов праведных и вознаграждение за оные. Городские лесовики служили по департаментам, фабрикам и заводам. Обобществленные жители деревни летом землю общим колхозным обычаем работали, а зимой валяли валенки или иному оброчному занятию предавались. Но и в городе и на селе тесно общались с культурой, читали запоем стихи поэта Рубцова («Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный навеселе»). И тулуповских писарей, усердно приумножавшихся, земляки читали и других лесов обитатели — слово «обыватель» в обобщественную историю страны полагалось ругательным и исключенным из употребления.

Но всякое общественное цветение и вольнолюбивое расширение своих идеалов приводит к потере бдительности — обратной стороне всеобщего благонравия и благодушествования. И гром грянул над Тулуписом. Почему Илья-пророк для образцово-показательной порки избрал почти из сотни губернских отростков Лесписа именно тулуповский? Кто знает... может звезды в таком астрологическом соподчинении

на закопченном небе заводского Тулуповска сошлись, или почившие на лаврах воевода с предводителем и исправником бдительность ослабили. Увы, История обратного хода не имеет: в ее анналах и на ее Скрижалях входят односторонние сколь-либо проявившие и просиявшие... в мирных докуках или в наиболее блестящих злодействах, поучительных срамных делах, великих кровопролитиях, но обратного хода из Истории в реальную протекающую жизнь не предусмотрено. То есть править, исправлять, дополнять или исказить Историю — дело хотя и нехитрое, но на полном резоне дурацкое.

Итак, гром прогремел над Тулуповским лесом, молния попала, аки нарочито прицеленная, прямо в Тулупис на десятом году его <увы, предыдущего> благодушествования, цветения и продвижения к пока еще дальним окрестностям Скрижалей.

...Нет, конечно, и до этого междоусобства в форме сугубо специальной писарской хвори — зависти к ближнему — имело место быть в Тулуписе. Оно и понятно: коллект писарская все увеличивалась, а у издательского заведения в Тулуповске план тисканья книги отставал за оным ростом жаждущих сочинять под гонорарии. Отсюда и подковренное первенство затеялось — источник зависти и взаимного враждования. И даже верноподданническое доносительство по части опекаемой предводителем партийности; особенность участия в Лесписе, оно же в Тулуписе — обязательность окромя писарского иметь в наличности и партийный билет. Соревновательность эта в писчебумажном занятии распространялась и на прокормочную докуку, завидование по выделенным берлогам: у одного трехкомнатная апартаментная в центре, у другого — поближе к окраине и всего лишь о двух комнатах... Поелику же тулуповские писари находились в спелом для любовных утех возрасте, да от ежедневных штей с убоиной и праздничного поросенка под хреном натура бунтовала и требовала оных, то тянуло обилеченных сволочиться с молодой красивой зайчихой или кобылицей из преданных почитательниц губернского таланта, заводились мамочки* для утоления будоражащей страсти. Опять же такой либерализм в повреждении семейных устоев — по части предводителя: по устному или писанному доносительству недругов-завистников.

Но все это дело обыденное, особенно по женской части. Предводитель посмеивался чтением доносов или даже слегка завидовал наиболее ушлым жеребцам. Полицейстеру и жандармскому шефу Тулуповска доносительства и вовсе остерегались сочинять: не за супротивника, конечно, опасались, но за мать-кормилицу, то есть за Тулупис; как бы не прикрыли! Дело тонкое и политичное.

Но вот что случилось на десятом году благодушествования тулуповских обилеченных писарей, то ни словом сказать, ни пером описать в приличествующих партикулярных выражениях, ибо по сути рассуждать — одни неудобные для литерной печати выражения получаются. Таковое в писарской среде злоумышленное подрывание устоев и потрясение основ, очернение высших идеалов, беспримерное по нарочитой срамной наглости ни то что в обобществленный период истории *Нашего леса* ни до, ни после не случалось, но и сообразоваться настоящим манером со времен Гостомысла и братьев Рюриков могут разве что с предательством князя Курбского и впоследствии его перепиской <в сугубых матерных изъяснениях> с Иваном Грозным. И все одно на предмет упомянутой уже срамной наглости злоумышление князя супротив учиненного тулуповским писарем Лошаком паскудства все одно, что утаенная полтинная монета перед украденным золотым полуимпералом в рябчиковом исчислении...

Молодой Лошак, хотя бы и выглядел несколько несоответственно с возрастом

---

* Сволочиться <с кем-то> — завести любовную связь; мамочка (или мамоха) — любовница. Разговорный язык XIX века (прим. ред.).

старообразно, что в лесном обиходе ядовито зовут «оглоблей», являясь баловнем касталийских муз — не в понятии особенного какого таланту, но в умении улавливать щербатым своим носом веяния «сверху» к особенно значимым событиям и датам. Таковых умельцев лесписовцы в домашнем междусобойном кухонном кругу за поросенком под хреном и «очищенной» (женам и малым детушкам — пастила и морошка в сахаре) именовали *датскими писарями*. Потрафляя либерализму в «оттепель» при Кукурузном Вепре и общему расслабляющему благодушенствованию при Втором Тигре, Лошак и здесь подпускал в писчебумажных сочинениях инвективные ужимки, но — все в пределах намеков на желательное усовершенствование (борьба лучшего с еще более лучшим!) регламента и осязательного содержания идеалов цветения обобществления. Самый упертый в своем запретительном деле цензор, хоть в астрономические окуляры глаза порти, не мог выявить в писаниях Лошака ничего либеральнее замечания, что де вот герой его повествования возжелал (с похмелья что ли?) вкусить соленого арбуза, обегал все зеленные лавки в своем сибирском урочище, но диковинного приурочивания фрукта не обрел... И верноподданнически Лошак рекомендовал кому следует обеспечить *Наши лес* (опохмелительными) солеными арбузами. Цензор, научившийся латыни в университете, оконченном по римскому праву, вспоминал сообразующуюся с арбузным либерализмом формулировку: *causa impulsiva per stimulos*, то бишь побуждающая посредством стимулов причина,— и надписывал разрешающий к тисканью литерами гриф, сходный с масонским знаком.

♦ С чего это музы, восторгающиеся всем изящным («*Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер, / Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер...*»*) и красиво прекрасным, возжелали избрать своим представителем в тулуповской лесной глубинке Лошака, дагерротипная фотогеничность коего тотчас побуждала вспомнить присказку, что-де с лица не воду пить? О, эти женские загадки! Но в части данного предмета сказать, что любовь зла, полюбишь и осла, значило бы обидеть занимавшую в Тулуписе тогда должность Осла добропорядочную птицу Казарку...

Конечно, грамоте Лошак знал изрядно, то есть на гимназическое «хорошо», не зазря ученичествовал в Высшем писарском училище, откуда был выпущен по прозаическому разряду, тотчас уловлен дипломатическим писарем из Якутской мерзлявой тайги Лавроносным Журавлем, уже примерявшем на себя должность Льва во вновь соорудившем Тулуписе, водворен на постоянное местопребывание в Тулуповский лес с выделением самой благодатной — в сравнении с другими писарями, организаторами — трехкомнатной апартаментной конюшне с приличествующими прогонными, подъемными и представительскими.

Опять же легкое либеральное резонирование и *датское* чутье, о чем говорилось выше, поспособствовали довольной регулярности тисканья книг и на страницах столичных писарских курантов. Ничем не выделялся Лошак в предмете и содержании писарского умения в соотношении с большинством лесписовцев и собственно тулуписовцев, но... вот так на молодого Лошака пасьянс разложила судьба, а гораздо правильнее — умел он нужную карту в бостонной игре передернуть без битья канделябрами и шандалами по головке тыковкой. Лошак еще в столичном своем бытее довольно извертелся в лесписовских кругах. Облик его и прозвище запало в сидящие головы тамошних проявивших и просиявших, оттого отказу ему не надлежало быть в толстых писарских курантах; уже в тулуповское житье-бытье ввели Лошака в редакторскую коллеку главных молодняковых писарских курантов, что тиражировались в столице ежемесячно в миллионах штук и прочитывались всем *Нашим лесом*.

С таким-то устремлением в ряды проявивших и просиявших Лошак и прибыл в Тулуповский лес с молодой жеребой Кобылкой... почему-то в последующие годы ему

---

* Игорь Северянин. Июльский полдень. Синаматограф (прим. ред.).

с неизменным постоянством сопутствовали эти обязательно жеребье кобылки, затем скваз убегавшие от Лошака. Даже на конфузное и подлое свое дело он отправился от все такой же жеребой кобылки — очередной мамочки.

...Да еще Лавроносный Журавль подливал масла в огонь, прилюдно устно и писчебумажно расхваливая сверх всякой меры «нашу надежду и осязательное содержание растущего в мерах талантливости Тулуписа, одаренного писаря, беспрестанно сеющего рукой добродетельного пахаря на нашей лесной ниве разумное, доброе, вечное, беззаветно отдаваясь своим ощущениям благ, необходимых для дальнейшего развития и процветания обобщественности»... и далее в тех же велеречивых похвалах. Понятно дело, Лавроносный Журавль, заботясь о радикальном возрастании авторитета начальствуемого им Тулуписа, меркантильно питал надежду на исполнение искреннего пламенения своей писарской души: посредством высоких столичных покровителей Лошака и самому себе приблизиться к стройным шеренгам, побатальонным «квадратом» под звуки оркестра полковой музыки марширующим в одушевление своих идеалов в диспозиционном направлении к абрису едва еще узреваемого в раннеутреннем весеннем тумане контуре писарских Скрижалей.

...Но «травмированный ранней славой», как удачно в кулуарной беседе посереде доверенных своих высказался тулуповский писарь Альбатрос, Лошак полагал все высокопарные восхваления, к нему относящиеся, натурально самими собой разумеющимся и вовсе не имел в мыслях предстательствовать перед столичными писарскими чинами за своего благодетеля. И вовсе не полагал за что-либо из себя значащих всех тулуповских писарей, поплеывал на них фигурально. Словом, вел себя соответственно присказке: один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок. Вообще не имел какого-либо общения с ними, исключая случайные встречи у кассы тулуповского издательского заведения. «Я емь единый писарь в этом лесу... и не только в ем одном,— прилюдно рассуждал Лошак в некотором употреблении «очищенной» по табельным дням в гостеваниях у видных служебных персон Тулуповска,— все же остатние, именующие себя избранниками муз, суть графоманы уровня учрежденческих стенгазетчиков!» И всем это почему-то по душе маслом ощущалось прокатившимся. Даже самим введенным Лошаком в ничтожество тулуповским писарям. Потемки душа человеческая, а писарская и того более. А все от того, что в те добронравные и снисходительные времена жилось писарям хорошо на гонорарии и сообразные приработки, но регулярность их получения паче всего определялась изворотливостью, умением подольстить тому, кто мог «порадеть своему человечку». — Даже в слабоожидаемой перспективности. Лошак же мог многозначительно, надув брылья, заметить к случаю, что-де в Лесписе он со всеми на короткой ноге; привет, мол, брат Пушкин, как жизнь? — Да как-то все так, брат Лошак. И сам главный писарский Осел за него лесписовскому Льву предстательствует... Доверчивые тулуповцы, хотя бы в своем кругу хитрецы и их на мякине не проведешь, невольно робеют: ваше лошаковское степенство, вы отцы наши, мы дети слабограмотные ваши, уж поспособите при случае — просто, не прося ни за кого, скажите: есть, мол, в Тулуповском лесу такой дедушки Мазая писарь Заяц! С нас, сирых, и этого довольно будет.

Лошак же, присвистнув и тотчас изгнав из тыквенной своей головки все писарские благоглупости, шел в пристойный для его реноме круг общения, что охватывал достойнейших чинов Тулуповска, близких к воеводе, предводителю и исправнику. Но шеф жандармов и полицмейстер также о Лошаке наслышаны с благонравных позиций соблюдения идеалов обобщественности.

♦ Конюшню же свою дармовую Лошак, ничтоже сумняшеся, в бодрственную действительность самоличных — уже не проповедуемых им обобщественных! — идеалов превратил. Продовольствовался он обычным делом в трактирах и в гостева-

Бомж Игнат сходил на прием к депутату городской думы, новорусскому купцу Лаврову. До Самого секретарша общественной приемной депутата Игната не допустила, но выдала по разрядке и под роспись тридцать рублей. Пошел довольный Игнат на ближний рынок «своего» микрорайона и купил у частного предпринимателя Ворсклова, торгующего вразнос, два пирожка с квашеной капустой. Время зимнее, поэтому люди в общественных местах улицы для взаимного сугрева стараются обитать кучкой. Вот и Игнат, пережевывая обеззубленными деснами домашней выпечки пирожки, завел беседу со скучающим Ворскловым. Как дипломат в душе, а по образованию инженер-ракетчик, Игнат заговорил на тему дня: грядущие выборы в главную думу страны:

— За кого голосовать будешь, достопочтенный?

— За наших, бродяжка,— ответил частный предприниматель, в бытность давнюю учитель литературы.— А почто интересуешься? Ведь бомжей к урнам не подпускают.

— Ошибаешься, достопочтенный; сейчас и без прописки можно. Так вот и я надумал голосовать за Народную партию торсионно-инновационного освоения Марса.

нии у сурьезных персон, где завсегда подавали фаршированного гречневой кашницей поросенка, добавляя к оному первостатейного лафиту и доброй «очищенной», настоящей на ягоде клюкве <<дойдя до этого места при первом чтении авторизованной под Салтыкова-Щедрина исторической повести, Игорь Васильевич усмехнулся и сделал легкое вразумление аспиранту Володьке: «Прекрасно понимаю твою семейную гордость — настоенную на клюкве самогоновку, но ведь историческая правда важна! Самогонить-то на Св. Руси стали только в начале Империалистической, когда Николашка-царь сухой закон ввел. Поэтому прошу: при дальнейшей работе над диссертацией аутентичность историческую соблюдай; как говорил персонаж знаменитой кинокомедии: «А ты не путай личную шерсть с государственной!»>>

...Не брезговал и домашними штями с парной убоиной, на рынке приторгованной, если на тот момент в конюшне обиталась очередная, непременно жеребая кобылка. Отдельное стойловое помещение отвел под самоличный кабинет, где сочинял на писарском досуге, беззаветно отдаваясь творческим устремлениям (око за око, номер толстых курантов за номером), руководствуясь светлыми, радужными перспективами гонорариев по высшему разряду, чутко разбрыльенными ноздрями осязаясь на полезные даты и события в упорчении и дальнейшем цветении Марковского идеала обобществления.

Но ближе к сумеркам и на всю ночь, особливо в промозглую, слякотную осень позднедекабрьские морозы, февральские вьюги, мартовские стылые иды, в самом большом стойле лошаковской конюшни набивался — с ответными визитами — чиновный и прочий светский бомонд Тулуповска. В числе каковых все те же из круга ближних к воеводе, предводителю и исправнику. Иные и из благочиния полицмейстера и шефа жандармов запросто заходили, отстегивая в прихожих сенцах сабли от мундирных поясов и снимая шпоры.— И сразу гости, добродушно ухмыляясь, а которые в мундирах подкручивая усы, устремлялись к фуршетному угловому столику: к водке, коньячку, дамскому лафитцу, к икре паюсной, канторской и пробойной, к семушке и балычку-с.

Опосля уже за обеденным овальным столом пир на весь вечер и половинное начало ночи: с тостами, либеральными (в своем кругу) беседами, вистом и бостоном, с дамами для плясов и общего одушевленного благоустройства. Имелись в гостевом наличии и писари, но токмо (упаси бог!) не тулуповские, но наездом из столиц и университетских центров, такие же как Лошак энергетические и устремленные к проявлению и просиянию.

Много чего в тех весельях говорено было. И сам Лошак и многозначительные гости воодушевлялись радостными успехами общественного цветения Тулуповского леса, меж тем многое для себя узнавая нового в веяниях, лежащих в основании нынешнего уклада обобществления...

И лишь только впервые попавшие на раут к Лошаку изумлялись: потолок гостевого стойла... был по всей его площадности закопчен до грифельной гимназической черноты. Каждый же такой неофит — в знак вхождения в этот «круг короля Артура», олицетворявший писарскую мысль и вообще художественное одушевление Тулуповска — обязан был взобраться (до первой фуршетной стопки безопасности в части членовредительства для) по лесенке-раскладушке, что на такой случай имелась в углу стойла, и на не занятом еще пятачке вороненого потолка подмахнуть свою подпись, для чего применительно пользуясь палочкой гимназического мелка. Оный также всегда про запас наличествовал у хозяйственного в части домашнего быта Лошака.

Почти с десятков лет жуировал и благодушествовал наш Лошак, имея обильные сонмы рябчиков от беспрестанно издаваемых книг и печатания в толстых столичных курантах благонамеренных, в основном *датских*, сочинений, для остроты чувствования и спроса читателей в писчебумажных лавках слегка подперчивая их дозволенным либерализмом — навроде упомянутых уже соленых арбузов. Исподволь тулуповские писари, вне всякого сомнения, люто завидовали ему, но то была абстрактная зависть недостижимости: как бы Моська тщилась уравниваться геометрическими и весовыми пространствами с облаянным ею Слоном. Лай не лай, но если ты суть мелкая квартирная тварь, то куда тебе до украшения зоологического паноптикума?

Нет, всенесомненно, за эти десять лет после обретения вожделенных билетов Лесписа тулуповские писари, хотя и не всем кагалом, но в приличествующей пропорции, вплотную приблизились к той линии горизонта, с которой уже просматри-

ваются дальние предместья Скрижалей. Шло время, многие прошли курсы в Высшем писарском училище, а если от рождения голова способна «ямбы от хореев отличить», либо склонна к историческим и лирическим жизнеописаниям, то в итоге многие тулуповские «инженеры» душ лесных обитателей ничем не отличались по грамотности и осязательному содержанию своих сочинений от уже проявивших и просиявших из других лесов, но даже от таковых из столиц и университетских центров. Все-то отличие в географии и писарском компанействе. Нередко уже тулуповцев тискали литерами и в толстых столичных курантах.

Еще раз оговоримся: нет худа без добра. Так и здесь: тулуповские писари, завидя в бессознательности Лошаку, в оно же время вполне чистосердечно благодарно сти ему не то что прилюдно льстя, но и заглаза, даже сам-один находясь в каком-либо местоположении, выказывали (!?). Удивительного в том ничего не сыщешь: их все чаще «узнавать» начали в столичных курантах, самых-пресамых рябчиковых и Скрижалью осененных. «Ба-а! Да этот проситель по части напечатания в наших курантах из Тулуповска! Это ведь где *сам* Лошак укрепляет прочные устои *наших* идеалов и подвигает оные на ниву всеобщего обобществленного просветительства, да? И вроде как Лавроносный Журавль на должности Льва ему всячески поспособляет в устоянии идеалов». После чего произнесший сию похвальную тираду Осел — секретарь курантов предстательствует перед самим Львом-редактором за тулуповского автора: «Ваше степенство! Надоть тиснуть этого Лисенка тулуповского, конечно, сократив раза в три... опять же Лошак!»

К десятому году своего бытования Тулупис уверенно шел к дозволенным регламентом обобществления идеалам добра, осязательно перенося на ниву практической полезности эмпирии устремленности и благонравия. И собственно коллекта тулуповских писарей ни шатко ни валко, но все же не допуская особливой кривизны, как городской на посту у своей полосатой будки бодрствуя, все более приближалась к позициям равнозначности с первенствующими губернскими писарскими товариществами (уже на паях которые, но не с ограничительной ответственностью...). Конечно, до столичных и университетских центров очень далековато все просматривалось, но... чем черт не шутит? Вдруг подвиг блестящий какой случится на тулуповской ниве писарской — и все единово, в однодень просияет?!

...Вот и «просияли», ибо боге не микишка, зрит на ком шишка. Видимо изначальный грех кто-то свалил на тулуповских писарей, причем свалил безадресно; это как досужий прохожий, что в мартовскую оледень аккуратно смотрит под ноги, увидит медный семишник, а то и вовсе серебряный гривенник, обрадуется, подымет, с себрушкой и вовсе в кабак завернет, сотку или шкалик на найденную дармовщину в организм введет... а того не ведает простодушный, что монетка эта заговоренная, кто-то с себя грех снял, перенес на семишник или гривенник и подбросил: с Федота, мол, на Якова перейди!*

Да и мужик не перекрестится пока гром не грянет. Надо было креститься тулуповским писарям до грома, но только три пальца ко лбу приставишь, как тут же рядом птица Казарка, что на должности Осла в Тулуписе. Добрая она и сердечная, но ведь ответственная по своему чиновному месту за идеалы обобществления, в числе коих обращение к всевышнему не означено табелем...

(Окончание следует)

* Замечательно и со смыслом таковое свойства денег описал Л. Н. Толстой в своем «Фальшивом купоне» (прим. ред.).